Аннабелла Бюкар

ПРАВДА ОБ АМЕРИКАНСКИХ ДИПЛОМАТАХ

Перевод с английского

*

АННАБЕЛЛА БЮКАР

ПРАВДА ОБ АМЕРИКАНСКИХ ДИПЛОМАТАХ

Перевод с английского

1949

ИЗДАНИЕ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»
МОСКВА

Посвящается
светлой памяти
моей матери

ОТ АВТОРА

Истекший год был годом великого перелома в моей жизни. Будучи коренной американкой, всю жизнь любившей свою родину, искренне и бескорыстно служившей ей, я тем не менее решила остаться навсегда в стране, с которой я раньше была знакома довольно слабо, но которую я хорошо узнала и полюбила, прожив в ней всего лишь около двух лет. Было бы ошибочно думать, что я легко решилась на этот шаг. Я очень долго и мучительно обдумывала все обстоятельства, которые толкали меня к этому шагу, равно как и те обстоятельства, которые, наоборот, удерживали меня от него. И если все-таки первые взяли верх, то к тому были глубокие причины.

Мои недруги ищут эти причины в моей личной жизни, но это совершенно не соответствует действительности. На самом деле причины эти чисто объективного характера. Я приняла свое решение, убедившись, что правящие ныне в США круги ведут мою родину и вместе с ней весь мир к ужасной катастрофе.

Это убеждение сложилось у меня не сразу и не на основании речей и памфлетов организаций и людей, ратующих за мир, а на основании моего непосредственного, повседневного знакомства с работой в госдепартаменте в Вашингтоне и в американском посольстве в Москве в течение почти трех лет. И в Вашингтоне, и в Москве я видела, как шаг за шагом наши дипломаты, ответственные за внешнюю политику США, делают все от них зависящее для того, чтобы вызвать мировую катастрофу. Острие их политики всегда направлялось и направляется против Советского Союза, который, как я это хорошо поняла, срывал и срывает их диверсионную работу против мира, против стремления народов к лучшей и более счастливой жизни.

Эти дипломаты очень хорошо усвоили ту истину, что Советский Союз мешает американским богачам завоевать мировое господство, и поэтому они считают необходимым прежде всего дискредитировать Советский Союз, приписывая ему агрессивные намерения и пытаясь тем самым оправдать подготовку к войне против него. За время моей работы в госдепартаменте и в посольстве в Москве я убедилась в том, что усилия руководящих деятелей этих учреждений направлены именно к этой цели.

Совершенно естественно поэтому, что передо мной должна была возникнуть дилемма — либо молчать и слепо выполнять все приказания поджигателей войны, засевших в госдепартаменте и в посольстве в Москве, и тем самым разделить с ними всю страшную ответственность перед народами всего мира, либо поднять свой голос против их страшных деяний. Но мое выступление с протестом в самом посольстве было бы голосом вопиющего в пустыне. Поэтому нужно было решиться на более эффективный шаг, т. е. на такой шаг, который дал бы мне возможность включиться по-настоящему в борьбу против поджигателей войны. Но для этого необходимо было отказаться от всяких личных и сентиментальных соображений, что я и сделала.

Я отказалась от работы в посольстве и осталась в Советском Союзе, где я могу, по мере моих сил и возможностей, принять участие в общей борьбе за мир и благоденствие народов.

Предлагаемая вниманию читателей книга является результатом моего длительного общения с людьми, от которых американский народ ожидал, что они будут поддерживать и развивать добрососедские отношения со всеми странами, в том числе и с Советским Союзом, оказавшим неоценимую услугу человечеству в деле борьбы со смертельной опасностью со стороны фашизма. Однако то, что я видела в госдепартаменте и в посольстве США в Москве, находилось в вопиющем противоречии с этими ожиданиями американского народа. Я видела, как заносится дамоклов меч над человечеством и как этот меч, опускаясь все ниже и ниже, грозит снова затопить в крови миллионы людей.

Поэтому я не могу молчать!

ГЛАВА I

МОЯ РАБОТА В РАЗВЕДКЕ

Я родилась в многодетной семье в штате Пенсильвания, недалеко от города Питсбурга. Мои родители, как и многие другие жители района Питсбурга, были эмигрантами, прибывшими из Европы в Соединенные Штаты — «страну богатства, свободы и золотых возможностей» — в поисках лучшей жизни.

Как и другие прибывшие в Америку эмигранты, мои родители вскоре после приезда поняли, что в действительности их «импортировали», чтобы эксплоатировать. Они были единицами товара, известного под названием «дешевые рабочие руки», и промышленники, покупавшие их труд, относились к ним, как к виду промышленного сырья, как к железной руде и углю, необходимым для производства стали в этом центре угольной и металлургической промышленности Америки.

Многие эмигранты не выдерживали страшной эксплоатации и тяжелого бесправия. Одни, более счастливые, возвращались домой, в Европу, другие так и оставались на всю жизнь чернорабочими и во многих случаях умирали смертью нищих. Мои родители выжили и ценой невероятных усилий, а также благодаря наличию в семье многих рабочих рук, наладили более или менее сносную жизнь на ферме в районе Питсбурга.

Окончив среднюю школу, я приняла решение во что бы то ни стало получить высшее образование. В Америке нет системы государственных стипендий для студенчества, и поэтому, когда я поступила в Питсбургский университет, я была вынуждена одновременно с учебой часть дня работать, дабы содержать себя и оплатить расходы по учебе. Как и подавляющее большинство студентов американских университетов, я вынуждена была на протяжении всех лет

учебы зарабатывать себе на жизнь. После четырех крайне трудных лет тяжелых занятий и работы, постоянно сопутствуемая беспокойными мыслями о том, найду ли я работу после окончания учебы, я окончила университет и начала искать себе место в жизни.

Я находила кратковременную работу в различных учреждениях, во время войны работала в американских разведывательных организациях и в государственном департаменте, а после окончания войны была направлена на работу в Москву, в американское посольство.

Вот вкратце и вся моя биография. Сама по себе эта биография не представляет никакого интереса и свидетельствует лишь о том, что я — одна из нескольких десятков миллионов американцев — детей эмигрантов, прибывших из Европы в США; одна из ста сорока миллионов «обыкновенных» американских граждан, имеющих во многих отношениях одинаковое прошлое и аналогичные переживания в настоящем.

Среди многочисленных людей, с которыми мне приходилось сталкиваться в США — дома, в школе, в университете, на различных службах в Нью-Йорке и Вашингтоне,— я редко встречала таких, которые не переживали бы в прошлом или настоящем различные трудности и лишения.

Широко распространенное среди жителей Европы представление о том, что в Соединенных Штатах все живут в состоянии экономической обеспеченности и уверенности в завтрашнем дне, что американские дети имеют беззаботное и счастливое детство, так же далеко от действительности, как солнце от земли.

Только работая в госдепартаменте в Вашингтоне и в посольстве США в Москве, я начала сталкиваться с молодыми людьми, выходцами из богатых семей, которые выросли в атмосфере богатства и обеспеченности и были так же далеки от настоящей жизни в Америке, как люди с другой планеты. Они принадлежат совершенно к другому миру, чем все мы, остальные, составляющие подавляющее большинство нации.

Хотя я почти всю свою жизнь прожила в скромном достатке, мне все-таки во многих отношениях повезло больше, чем большинству американцев моего поколения. Мне удалось получить высшее образование, в то время как боль-

шая часть моих друзей и знакомых вынуждена была давно покинуть школы, чтобы работать на угольных шахтах, металлургических заводах, в магазинах и на фабриках в районе Питсбурга, и, в основном, они все до сих пор там и работают. Мне же удалось найти «приличную работу».

После окончания университета я некоторое время работала в частных торговых фирмах, но работа эта никак меня не удовлетворяла. Я испытывала огромное желание принять посильное участие в происходившей в те годы войне против фашистской Германии. Примерно в это время я получила предложение поступить на работу в разведку военно-воздушного флота США. Я согласилась и была принята.

В этой организации я некоторое время работала в отделе, занимающемся метеорологией и подготовкой карт для бомбардировочной авиации, но вскоре меня перевели на службу в основную американскую разведывательную организацию — Управление стратегических служб (УСС), где я получила назначение в отдел «иностранных национальностей» УСС.

В мои функции входило тщательное изучение газет и журналов, издающихся в США на иностранных языках, в особенности всей печати, выходящей на славянских языках. Я должна была по этой печати составлять обобщенные обзоры и доклады о деятельности различных славянских организаций, существующих в США, главным образом прогрессивного направления. В своих докладах я должна была также вносить предложения о возможности использования этих организаций для выполнения разведывательных задач УСС.

Нужно сказать, что, идя на работу в американские разведывательные организации, я исходила из того, что смогу принести какую-то ощутимую пользу в борьбе против врага всего человечества — гитлеризма. Я ненавижу фашизм всеми фибрами души, и мне казалось, что именно в разведке я сумею лучше всего бороться против этой чумы. Впоследствии я убедилась в том, что, ставя перед собой эту благородную задачу, я была по меньшей мере наивной. Как известно, во время войны американская разведка не вела эффективной борьбы против фашизма, а после войны она перешла к полному сотрудничеству с бывшими и

действующими органами фашистских разведок и контрразведок Германии, Италии и Испании.

За время моей работы в Управлении стратегических служб я узнала некоторые интересные подробности об истории, функциях, методах и формах работы этой разведывательной организации, которая среди американцев получила ироническое прозвище — «плащ и кинжал».

Руководителем Управления стратегических служб являлся генерал Вильям Донован.

Донован родился в 1883 году в городе Буффало, в штате Нью-Йорк, окончил юридический факультет Колумбийского университета в Нью-Йорке, во время первой мировой войны служил в кавалерийских частях американской экспедиционной армии во Франции. Донован — католик, член республиканской партии. В 1932 году его кандидатура выставлялась на пост губернатора штата Нью-Йорк, но провалилась на выборах.

С самого начала деятельности Управления стратегических служб генерал Донован умело вошел в доверие американского правительства и, ловко обманывая его, позаботился о том, чтобы обеспечить в рядах этой организации реакционное влияние руководящих кругов Уолл-стрита.

Он сумел это сделать благодаря тому, что Рузвельт был занят другими, более важными делами, связанными с военными усилиями США, и Донован лично подбирал руководящие кадры для своей разведывательной организации.

Для руководящей административной работы в УСС Донован пригласил своих «деловых знакомых» и друзей по первой мировой войне — полковника Э. Бекстона, с которым Донован в 1919 году создавал фашистскую организацию «Американский легион»; Аттертона Ричардса — президента крупной фирмы по импорту и экспорту ананасов «Гавайан пайнапл компани»; Дж. Моргана; Элмо Ропера из органа Уолл-стрита, журнала «Форчэн»; «героя» первой мировой войны, адвоката с той же улицы — Р. Ливермора и др. К работе в УСС Донован привлек также и кузена Уинстона Черчилля — Раймонда Геста, сына миллионера Т. Райана, владельца реакционной газеты «Нью-Йорк Сэн»,— Билла Дюарта, наследника миллионов алюминиевого короля Меллона — Пола Меллона и генерала царской

армии, влачившего до работы в УСС жалкое существование,— бывшего князя Сергея Оболенского.

Вскоре после создания УСС Донован направил за границу своих представителей с целью добыть материал об экономике и политике ряда стран, причем многие из них выехали под видом корреспондентов газет.

После поражения Франции в 1940 году Донован лично выезжал в эту побежденную страну для изучения на месте причин ее неудачи.

По возвращении в США он конфиденциально информировал американское правительство о том, что катастрофа была вызвана не «пятой колонной» и не французскими коммунистами, как об этом доносил посол Буллит и трубили все американские газеты, а плохим руководством военными операциями со стороны военных деятелей и полной неподготовленностью Франции к современной войне.

Несколько позже Донован выезжал на Балканы и Ближний Восток. Донован посетил Лондон, Каир, Афины, Белград, Софию, Анкару и Иерусалим. Цель поездки — сбор специальной информации для американского командования и инспектирование работы американской разведки в этих странах.

В Алжире Донован имел длительную беседу с генералом Вейганом и подробно знакомился с положением в Северной Африке. По существу можно считать, что еще в конце 1940 года американцы начали готовиться к операции в Северной Африке и уже тогда через свою разведку налаживали контакт с французскими военными властями в Северной Африке.

В сентябре 1942 года Донован прибыл в Лондон и беседовал с руководителем разведки английского министерства экономической войны, так называемой СОЭ, об организации нелегальной пропаганды в странах оси и на оккупированных ими территориях. Было достигнуто соглашение о проведении такой пропаганды, которая поддерживала бы моральное состояние людей, настроенных в пользу союзников, но в то же время не дала бы им возможности подняться против немцев раньше, чем это было выгодно американцам и англичанам. Во время этих переговоров интересы народов оккупированных стран ставились на последнее место.

Управление стратегических служб, спекулируя на ненависти народов европейских стран к фашизму, устанавливало связь с подпольными группами сопротивления в этих странах и внедряло в организации движения сопротивления свою агентуру с расчетом использовать ее в интересах американской разведки в послевоенный период.

Я была крайне возмущена, узнав из газет, что американская разведка несколько месяцев тому назад передала испанской фашистской контрразведке списки испанцев, принимавших участие в партизанском движении против немцев во Франции во время второй мировой войны. Так американцы, к моему великому стыду, отплачивают за помощь, оказанную им партизанами.

Работая в УСС, я очень быстро убедилась в том, что основные разведывательные усилия этой организации были направлены, наряду с Германией, против Советского Союза.

На основании моих многочисленных наблюдений я имею возможность точно утверждать, что руководители американской разведки использовали союзнические отношения, сложившиеся между СССР и США во время войны, в целях засылки кадровых разведчиков на территорию Советского Союза для ведения разведывательной работы против этой страны-союзника. Эти разведчики посылались в СССР под самыми различными прикрытиями — в качестве советников, 2-х и 3-х секретарей, атташе, а то и просто клерков посольства, в качестве сотрудников военной миссии снабжения и военного атташата при посольстве и, наконец, под видом корреспондентов американских газет, журналов и радиовещательных компаний, а также отдельных специалистов, работавших по монтажу оборудования, присланного по ленд-лизу.

Антисоветское направление деятельности американской разведки находит свое подтверждение хотя бы в том, что во время войны, которую США вели в союзе с СССР против фашистской Германии, русский подотдел был самым большим в УСС. Во главе русского подотдела стоял профессор истории Колумбийского университета Робинсон, считающийся в США большим «знатоком» Советского Союза.

Русский подотдел имел в своем составе специальные отделения, занимавшиеся сбором разведывательной информа-

ции об СССР по вопросам промышленности и военного производства, транспорта, людских резервов, государственного дохода и внешней торговли, сельского хозяйства и др.

Таким образом, УСС уже с самого начала своей деятельности придавало первостепенное значение развертыванию разведывательной работы против СССР. К концу войны главное внимание УСС было сосредоточено на добывании секретных сведений о Советском Союзе, о советской внешней политике и о дружественных советскому государству демократических странах.

Мне хорошо известно, что представительство УСС в Лондоне установило тесную связь с английскими, греческими и бельгийскими разведчиками, обзавелось агентурой, доставлявшей американцам секретные сведения не только о противнике, но и о союзниках, главным образом об СССР.

Представительство УСС в Чунцине, например, организовало сбор разведывательной информации о Советском Союзе. В 1942 году в Тибет был направлен специальный сотрудник УСС белогвардеец И. Толстой для изучения пограничных с СССР районов и организации разведывательной работы против СССР из этих районов. Из Стамбула сотрудники УСС направляли агентуру как против Германии, так и против СССР.

В некоторых случаях, когда это диктовалось интересами американского командования, работники УСС вызывали беспорядки на территории, оккупированной Германией, а в других случаях, гораздо более частых, наоборот, искусственно задерживали рост движения сопротивления и направляли его по такому пути, какой по стратегическим соображениям был выгоден США. В частности, мне точно известно, что УСС преднамеренно удерживало организации сопротивления во Франции от восстания, оттягивая его до момента высадки десанта союзников. Точно такую же позицию занимали американцы и в Сиаме, хотя руководители движения сопротивления хорошо подготовили всеобщее восстание против японских оккупантов.

УСС привлекло добровольцев из американцев для формирования небольших оперативных групп специального назначения. Эти группы выступали в ряде случаев в качестве «организаторов» движения сопротивления в оккупиро-

ванных странах Европы и Северной Африки (ими создавались подпольные организации реакционного типа), собирали разведывательные данные и вели активную борьбу с партизанами народного фронта и особенно с коммунистами во Франции. Поддержка оказывалась лишь подпольным организациям де Голля, беспрекословно выполнявшим все задания американцев.

Таким образом, УСС занималось не только разведкой в тылу немецкой армии, но и подрывной работой против прогрессивных сил оккупированной Европы.

Аналогичные группы действовали и против прогрессивных сил в Японии.

В начале второй мировой войны американцы отобрали из числа обучавшихся в США студентов-сиамцев группу наиболее надежных лиц и направили их в специальную разведывательную школу УСС. Там сиамцы прошли курс обучения по технике радиосвязи, диверсионной работе и тактике ведения партизанской войны. Затем эта группа была нелегально переброшена в Сиам, где ей удалось внедриться в руководство движением сопротивления, возглавить его и почти целиком переключить на выполнение заданий американской разведки.

Во время войны, после специального соглашения, заключенного между правительством США и Чан Кай-ши, в Китае была создана американо-китайская разведывательная организация, получившая название «САКО» («Американо-китайская организация сотрудничества»). Руководство деятельностью «САКО» осуществляло УСС.

Американские разведчики получили самую широкую помощь со стороны правительства Чан Кай-ши. По заявлению военно-морского министерства США, «история еще не знает такого тесного сотрудничества, какое существовало между этими двумя разведками».

Это сотрудничество разведок, как мне точно известно, сохраняется и в настоящее время. Американская разведка продолжает всемерно использовать китайскую разведку в своей работе против Советского Дальнего Востока.

Работая в посольстве, я убедилась в том, что находящиеся в Москве разведчики из состава китайского посольства являются активными помощниками действующих в СССР американских разведчиков.

Таким образом, разведывательная организация, которая, казалось бы, была создана для благородной цели — борьбы с фашизмом,— превратилась под руководством реакционного начальника УСС генерала Донована и его друзей с Уолл-стрита в гнездо реакции, готовящее кадры для разведывательной и иной подрывной работы против Советского Союза. В странах, где УСС проводило свою работу, оно всегда опиралось на наиболее реакционные элементы, в равной степени ненавидящие Советский Союз, прогресс и демократию.

Во время войны Донован и другие руководители американских разведывательных организаций рассматривали союзнические отношения с СССР, как чисто формальное, вынужденное и неискреннее явление; они пытались играть на трудностях и лишениях, переживаемых советским народом; они с нетерпением выжидали ослабления СССР в надежде на то, что после войны им удастся поставить эту великую страну на колени. Их постигло горькое разочарование.

Однако поражение, которое они потерпели в этом вопросе, ничему их не научило. Сейчас они опять лелеют эту мечту. Урок, данный Гитлеру и фашистской Германии, не пошел им впрок.

ГЛАВА II

РУКОВОДЯЩАЯ АНТИСОВЕТСКАЯ КЛИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕПАРТАМЕНТА

В правительственных кругах США и, в частности, в американском посольстве в Москве хорошо известно, что судьба советско-американских отношений всецело находится в руках небольшой группы кадровых сотрудников дипломатической службы США.

Со дня организации американского посольства в Москве в 1933 г. эта группа, или вернее клика, сумела обеспечить себе господствующее положение в государственном департаменте. Ей приходилось, разумеется, считаться с некоторыми американскими послами в СССР и государственными секретарями, вышедшими не из их среды.

Эти «монополисты в области советско-американских отношений», располагая возможностью контролировать укомплектование аппарата государственного департамента и американского посольства в Москве, всегда были в состоянии, за исключением нескольких весьма кратких периодов, проводить свою антисоветскую линию почти по всем основным, принципиальным, равно как и по всем непринципиальным вопросам, имеющим отношение к Советскому Союзу.

В особенности в настоящее время эта клика, члены которой тесно связаны между собой узами дружбы и, что более важно, узами взаимных эгоистических интересов, занимает важнейшие стратегические посты на дипломатической службе и в самом государственном департаменте.

Члены этой «монополии по советско-американским делам» также тесно связаны между собой единым политическим мировоззрением. Все они принадлежат к крайнему антисоветскому крылу дипломатической службы США и стремятся спровоцировать войну против Советского Союза. Они считают, что это предначертано самим богом.

Я знаю многих из этих лиц, так как работала под начальством некоторых из них, а в отношении других слыхала многое от тех, кто знает их близко. Когда я говорю об их политическом мировоззрении или о них вообще, то говорю только то, что мне лично хорошо известно.

Работая в американском посольстве в Москве, я, как и другие служащие посольства, ежедневно общалась с представителями этой клики «монополистов по советско-американским делам» и, таким образом, имела возможность их близко узнать.

Чем ближе я знакомилась с ними, тем больше меня возмущала их «работа». Я так заинтересовалась внутренним механизмом этой группы, что преднамеренно и энергично начала изучать ее. Я должна признаться, что узнала много интересного.

Если я смогу хотя бы частично довести до общественного мнения то, что мне удалось узнать, я думаю, что простые люди во всем мире лучше представят себе причины, в силу которых отношение США к Советскому Союзу в настоящее время отличается такой враждебностью.

Антисоветская клика государственного департамента США представляет собой яркий пример того, каким образом совпадение интересов небольшой группы чиновников, занимающей в современном капиталистическом государстве важное место, и интересов капиталистов может быть использовано для осуществления империалистической политики, неизбежно ведущей к войне, в то время как мирное население страны совершенно не представляет себе, к чему ведут его эти люди и почему все это происходит.

Не опасаясь впасть в ошибку, могу заявить, что все происходящее представляет собой заговор в интересах ничтожной группы людей, направленный против мира во всем мире и дружбы между народами.

В самом деле, небольшая клика дипломатов захватывает полный контроль над дипломатическими отношениями одного крупного государства с другим мощным государством и, путем ловкого использования своего влияния, преднамеренно портит взаимоотношения между ними. Чем хуже становятся эти отношения, тем сильнее позиции самой клики. Ее члены получают выгодные должности, назначаются на

важнейшие посты, поскольку им удается убедить своих коллег в том, что отношения с данной конкретной страной являются «особой, специфической проблемой», требующей специальных знаний и опыта, которыми располагают только они — члены этой клики.

Так создается заколдованный круг. Эта клика дипломатов использует свое все увеличивающееся влияние для того, чтобы все больше и больше отравлять и подрывать отношения с другим великим государством.

Если этому не положить конец, то война станет неизбежной. Об этом-то как раз и мечтают члены этой клики. Они мечтают «сделать бизнес» на оккупированных территориях после того, как им удастся одержать военную «победу», на которую они по своей самонадеянности, конечно, рассчитывают.

Само собой понятно, что кучка карьеристов и реакционеров не смогла бы так свободно действовать, если бы эти действия не были продиктованы интересами другой, более крупной силы. При наличии же этой силы клика, будучи идеальным исполнителем ее воли, в то же время служит своим собственным целям.

Такова общая характеристика «монополистов по советско-американским делам», обосновавшихся в государственном департаменте США. Что же касается упомянутых более крупных сил, которым она, эта «монополия», служит, то, разумеется, они представляют собой американский капитализм, олицетворенный Уолл-стритом. Враждебные действия, направленные против Советского Союза, отвечают интересам финансовых тузов Соединенных Штатов Америки. Эти действия полностью соответствуют их планам милитаризации страны, создания внутри нее фашистского режима и провоцирования войны против Советского Союза. Подробнее об этой взаимосвязи я скажу ниже.

Кто же эти лидеры и руководящие деятели «монополии по советско-американским делам» государственного департамента США и американской дипломатической службы?

Лой Гендерсон. Он является старейшим членом антисоветской клики госдепартамента, и до недавнего времени ему удавалось сохранять решающее влияние в ее делах несмотря на то, что он уже с 1943 г. не имеет непосредственного отношения к советско-американским делам.

Люди, хорошо знающие Гендерсона, рассказывали мне, что это — сухой и черствый человек 50 с лишним лет. Его коллеги хотя и с уважением относятся к завоеванному им положению в госдепартаменте, однако считают, что он человек посредственный во всех отношениях, кроме одного: он обладает необыкновенным талантом организатора интриг; в то же время он умеет настолько хорошо скрывать этот «талант», что люди, не знакомые с ним близко, убеждены в его абсолютной честности.

Довольно значительные служебные успехи Гендерсона не являются следствием каких-либо особых способностей, а скорее — результатом умения интриговать. О нем недаром говорят, что в начале своей карьеры он оседлал хорошую лошадь, на которой с тех пор успешно скачет вперед.

Гендерсон начал свою карьеру в государственном департаменте в качестве специалиста по антисоветским делам и махинациям. С тех пор он только этим и занимается.

С вопросами, имеющими отношение к Советскому Союзу, Гендерсон столкнулся еще до своего назначения на дипломатическую службу.

Когда во время первой мировой войны была объявлена мобилизация, Гендерсон, как и некоторые другие молодые люди призывного возраста, искал убежища в «Красном Кресте». Это был эффективный, хотя довольно прозрачный способ избежать мобилизации и военной службы. «Красный Крест» широко раскрывал свои двери перед молодыми людьми, имевшими хорошие связи и по той или иной причине — главным образом по причине трусости — не желавшими участвовать в войне. Возможно, что Гендерсон в то время еще не слышал об американской дипломатической службе, являющейся значительно более эффективным средством избежать мобилизации в армию, чем «Красный Крест».

Вряд ли является случайным совпадением то обстоятельство, что ни одному из членов антисоветской клики государственного департамента никогда не приходилось принимать непосредственного участия в какой-либо войне. Быть может, если бы им пришлось самим драться на фронте, они не проявляли бы такого большого энтузиазма в провоцировании войны, как они это делают сейчас. Благо-

даря своему положению, они перекладывают на других выполнение «грязной работы» войны, которая может явиться результатом их политики. Сами они, конечно, на фронт не пойдут. Там ведь могут изуродовать или убить!

Гендерсон впервые прибыл в Советский Союз в качестве представителя «Красного Креста». Эта организация, тогда, как и сейчас, работавшая рука об руку с американской дипломатией и разведывательными службами, нашла работу для нового претендента на пост шпиона в молодой Советской республике.

Когда Гендерсон впервые познакомился с Советским Союзом, то он, выражаясь языком американских финансистов, увидел выгодный «рынок» для применения своих талантов. Он предвидел (для этого не надо было быть гением), что в будущем, несомненно, будет ощущаться большая потребность в «русских специалистах» (более правильно было бы назвать их «антирусскими специалистами») на службе правительства США.

Имея это в виду, он подал заявление о приеме его на дипломатическую службу и после нескольких рутинных назначений, которые обычно даются всем начинающим молодым дипломатам, был направлен в прибалтийские государства, где вновь стал иметь непосредственное отношение к советским делам.

При помощи несложных махинаций Гендерсон прослыл незаменимым человеком в разведывательной работе, направленной против Советского Союза. Еще до того, как были установлены официальные дипломатические отношения между США и СССР, ему удалось создать мнение у руководящих чиновников государственного департамента, которые занимались советскими делами, что именно он является тем человеком, которому можно поручить «советские дела» и которого нужно подготовить к роли ведущего «русского специалиста» на дипломатической службе.

Он был отозван в Соединенные Штаты Америки, чтобы вести «подготовительную работу к установлению дипломатических отношений с Советским Союзом», которые, как эти люди предвидели, были неизбежными.

В качестве одной из мер подготовки Гендерсон рекомендовал, а его хозяева утвердили, немедленный подбор группы молодых «способных людей» для обучения в каче-

стве «антирусских экспертов» и отобрал для этой цели трех молодых дипломатов.

Поскольку эти люди и сейчас играют важную роль в советско-американских отношениях, стоит упомянуть их имена. Это были Джордж Кэннан, Чарлз Болен и Эдуард Пейдж.

Кеннан уже имел предварительное знакомство с антисоветской политикой госдепартамента и получил некоторое «идеологическое воспитание» в прибалтийских буржуазных государствах еще до установления дипломатических отношений между США и СССР. Болен был на короткий срок командирован в Прагу, а Пейдж — в Харбин, который в то время так же, как и Прага, Париж, Берлин и Рига, являлся центром белогвардейских интриг против советского режима.

После этой командировки Кеннан был направлен в Берлин для изучения русского языка, а Пейдж и Болен с этой же целью были направлены в Париж.

Характерно, что, хотя в то время было легче послать этих дипломатов в Москву, чтобы изучать язык среди советских русских людей, их послали в такие города, где они могли изучать язык среди русских белогвардейских элементов.

Это явилось началом «монополии по советско-американским делам» государственного департамента. Формирование этой клики, таким образом, было тщательно спланировано и организовано в период, предшествовавший установлению дипломатических отношений между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом, с тем чтобы обеспечить полный контроль над ними с первых же дней после их установления.

Совершенно ясно, что все это можно охарактеризовать только как заговор, направленный на отравление взаимоотношений между двумя великими странами еще до формального установления дипломатических отношений между ними. В настоящее время эта руководящая антисоветская клика государственного департамента во главе с Гендерсоном и его младшими партнерами — Кеннаном, Боленом и Пейджем — распустила свои щупальцы и включает в себя немного меньше дюжины дипломатов и до полдюжины молодых учеников, готовящихся к выполнению роли «антирусских специалистов».

Лой Гендерсон оставался в государственном департаменте вплоть до создания посольства США в Москве в 1933 году. Работая в госдепартаменте, он заложил фундамент отдела, занимающегося советско-американскими делами и превратившегося впоследствии в восточно-европейский отдел государственного департамента.

Когда были установлены дипломатические отношения с СССР и было создано американское посольство в Москве, Гендерсон добился для себя и своих учеников назначения в Советский Союз.

Гендерсон совместно с Джорджем Кеннаном, к этому времени закончившим курс обучения в Берлине и в прибалтийских буржуазных государствах, фактически создавал посольство в Москве, лично выбирал американских и советских служащих, создавал различные отделы и организовывал всю работу посольства.

Создав в 1933 г. посольство и перенеся основную разведывательную деятельность из Риги в Москву, они все же длительное время сохраняли шпионский центр в Риге.

Хотя разведывательная работа частично находилась в руках военных представителей США в Москве, персонал посольства был также призван сыграть важную роль в этом деле.

С самого начала Гендерсон создал вокруг посольства конспиративную атмосферу, которая преобладает и в настоящее время, причем американское посольство в этом отношении даже заразило некоторые другие иностранные миссии в Москве.

Гендерсон пользовался любой возможностью для ведения антисоветской работы. Он и его дипломатические офицеры пытались вербовать агентов среди советского населения для выполнения шпионских заданий.

Когда советские власти арестовывали кого-либо из агентов, завербованных американской разведкой, Гендерсон специально посещал другие иностранные посольства в Москве, проливая крокодиловы слезы по поводу «жестокости» советских властей. В том же лицемерном духе были выдержаны посылавшиеся им в государственный департамент пространные отчеты. Поскольку очень мало людей знало о шпионских делах арестованных лиц и поскольку те американцы, которые знали об этом, молчали, рядовые сотруд-

ники американского посольства в Москве под влиянием Гендерсона начали верить, будто бы любой русский, который заговорит с американцем, на следующий же день будет арестован. Многие из прибывающих в Москву американцев до сих пор считают, что дело обстоит именно так.

С каждым вновь прибывающим в Москву сотрудником посольства Гендерсон лично вел «задушевный» разговор. Вновь прибывшим американцам он говорил, что их будут окружать советские агенты. Им рассказывали такие «реальные» случаи, как арест некоторых агентов Гендерсона из числа советских граждан, а иногда и совершенно выдуманные случаи. Затем этим американцам говорили, что, несомненно, в ближайшем будущем им по телефону будут звонить девушки, которые являются советскими агентами.

Все эти предупреждения и внушения делались с самым серьезным видом. И вновь приезжающие американцы, среди которых было немало довольно наивных, доверчивых людей, уходили из кабинета Гендерсона, потрясенные до нервной дрожи. Каждый раз, когда вновь приехавший выходил гулять по московским улицам, он всегда оглядывался назад, чтобы посмотреть, не следят ли за ним.

Чтобы быть уверенным в том, что его обработка будет иметь должный эффект, Гендерсон обычно организовывал так называемые «звонки по телефону».

По приказу Гендерсона подставные лица звонили по телефону вновь приехавшим американцам, причем звонившая девушка очень часто проявляла необыкновенную осведомленность в отношении того американца, которому она звонила. Потом этот человек, до смерти напуганный, в течение нескольких недель ходил по посольству и рассказывал: «Знаете, через день после моего приезда в Москву мне звонила девушка. Ей были известны мое имя, фамилия и город в США, в котором я родился». Он рассказывал что «русская шпионка», которая звонила ему по телефону, прекрасно знала его прошлое. Все это его подавляло, портило ему нервы, и зачастую такие сотрудники длительное время оставались в состоянии нервного возбуждения.

Подобная обработка вновь приезжающих американцев, видимо, довольно успешно ведется и сейчас.

Атмосфера конспирации в американском посольстве в Москве усиливалась тем обстоятельством, что по указаниям Гендерсона дипломатические офицеры в присутствии своих подчиненных постоянно разговаривали о «телефонных звонках» и арестах советских граждан.

Эти темы представляли собой настолько значительную часть всех разговоров в посольстве, что все работающие там (это положение сохранилось и поныне) начинали чувствовать, что их собственные тени шпионят за ними. Бывали случаи, когда американцы настолько подпадали под влияние историй «с привидениями» и сказок Гендерсона, что их приходилось отсылать домой, а в некоторых случаях в санаторий для нервнобольных.

Дабы не осталось сомнений в отношении достоверности моих сведений о деятельности Гендерсона, могу добавить, что два американца, которые в то время работали в посольстве, говорили мне, как они по заданию Гендерсона наводили страх на вновь приезжавших американцев. Причем они, видимо, не рассказали бы мне об этом, если бы не подвыпили. В моем присутствии они смеялись над этими «злыми практическими шутками», как они называли их, и издевались над многими американцами, которых они обманывали подобными циничными приемами.

Когда Гендерсон навел такие инквизиторские порядки в посольстве США в Москве, его отозвали в государственный департамент и поручили возглавить аппарат, занимающийся советско-американскими делами. В течение пяти лет — с 1938 по 1943 г. — он занимал должность помощника начальника отдела по восточноевропейским делам.

В начале войны между Россией и Германией Гендерсон допустил ошибку, имевшую в то время серьезные последствия для его карьеры.

Как и многие «русские эксперты» американского правительства, руководствуясь больше своими желаниями, чем фактами, Гендерсон предсказывал, что Германия одержит победу над Советским Союзом в течение нескольких недель, и советовал не пытаться устанавливать более тесную связь между Соединенными Штатами и Советским Союзом, несмотря на явную общность их интересов в войне против Германии.

Кончилось тем, что Белый дом должен был непосредственно вмешаться в советско-американские дела. Белый дом спас положение и исправил то, что могло превратиться в непоправимую ошибку. Эта ошибка могла стоить жизни миллионам американцев. Она неизбежно отдалила бы на многие месяцы или годы сотрудничество между Советским Союзом и США, сыгравшее важную роль в разгроме фашистской Германии.

Интенсивные попытки Гендерсона саботировать сотрудничество между США и СССР так возмутили Белый дом, что Гендерсон был сослан в Ирак, получив пост американского посланника в Багдаде.

Гендерсон, однако, не является человеком, который легко теряется. У него есть готовые ответы на все случаи жизни. Приехав на родину арабских сказок «Тысяча и одна ночь», он, как Алладин, достал свою волшебную лампу: раз, два — и появился злой гений!

В Ираке Гендерсон сделал то же открытие, которое он сделал в других местах, — он нашел «красную опасность». Если бы Гендерсона послали в качестве американского представителя на Южный полюс, можно не сомневаться в том, что через год он открыл бы «красную опасность» среди пингвинов.

То обстоятельство, что Гендерсон нашел в Багдаде «угрозу коммунизма», так понравилось руководителям государственного департамента, что его довольно скоро вернули в Вашингтон и назначили начальником ближневосточного отдела государственного департамента. Здесь Гендерсон сделал новое «открытие», а именно, что «красная опасность» угрожает не только Ираку, но и всему Ближнему Востоку.

На этом посту Гендерсон являлся предтечей и вдохновителем так называемой «доктрины Трумэна», предусматривающей активные военные действия против демократического движения в Греции.

На этом посту Гендерсон показал, что нефть можно использовать не только для смазки механизмов, но и для смазки аппарата государственного департамента. Под непосредственным влиянием американских нефтяных компаний на Ближнем Востоке Гендерсон являлся вдохновителем неуклюжих маневров американской дипломатии в

палестинском вопросе. Эти маневры, как известно, ознаменовались скандальным провалом американской внешней политики, когда США потребовали отмены решения Объединенных наций по палестинскому вопросу, принятого, между прочим, по инициативе самих Соединенных Штатов Америки.

Когда я писала эти строки, я узнала, что Гендерсон назначен американским послом в Индию. Можно быть почти уверенным в том, что на протяжении примерно ближайшего полугода госдепартамент с помощью Лоя Гендерсона сделает сногсшибательное «открытие», заключающееся в том, что «коммунизм угрожает Индии». Во всяком случае, карьера Гендерсона далеко не закончена, и мы еще о нем многое услышим.

Джордж Кеннан. Этот человек, о котором в государственном департаменте часто говорят, что «он знает о России больше любого другого американца», изучал русский язык в Восточноевропейском институте — знаменитой школе агентов немецкой разведки, предназначавшихся для работы в России.

Возможно, что это наиболее характерный факт из биографии человека, вся карьера которого свидетельствует о том, что путь к «познанию» России лежал для него не через Москву, а через Берлин.

Кеннан говорит по-русски с заметным иностранным акцентом. По-немецки же он разговаривает без всякого акцента.

Даже после своего приезда в Москву, в 1934 г., Кеннан продолжал искать и находить «вдохновение» и черпать «сведения» о Советском Союзе отнюдь не в кипевшем вокруг него социалистическом строительстве; в государственном департаменте хорошо известно, что во время службы Кеннана в американском посольстве в Москве самыми лучшими его друзьями являлись дипломаты и армейские офицеры из германского посольства. Именно они рассказывали ему о России, и он смотрел на страну, которую ему предстояло изучить, глазами гитлеровцев.

В связи с этим нет ничего удивительного в том, что этот «эксперт по России» не продвинулся в понимании Советского Союза дальше своих учителей и что теперь он пытается почти точно повторить гибельные ошибки фа-

шистских офицеров, дипломатов и шпионов, еще в тот период мечтавших завоевать СССР и планировавших сделать это в течение трех месяцев.

В самом начале дипломатической карьеры Джорджа Кеннана, около двадцати лет назад, небольшая группа высокопоставленных чиновников государственного департамента избрала его в качестве «человека будущего», предназначенного для того, чтобы стать «ведущим дипломатом — специалистом по России». Эти чиновники предвидели, что, несмотря на их усилия, неизбежно наступит день, когда Соединенным Штатам придется установить дипломатические отношения с Советским Союзом и учредить посольство в Москве.

Поэтому они решили отобрать и натренировать смышленых молодых людей, которые смогли бы с их помощью оказывать монопольное влияние на советско-американские отношения.

Как я уже упоминала, при выборе этих молодых людей основную роль сыграл Лой Гендерсон, взявший на себя роль лидера этой клики. Выбор Гендерсона в первую очередь пал на Кеннана, и последний полностью оправдал его ожидания.

Начиная с 1928 г. и вплоть до 1933 г., не считая двух лет, в течение которых Кеннан занимался в Германии изучением русского языка, он находился в прибалтийских государствах, представлявших собой в период до учреждения американского посольства в Москве центры американского шпионажа, направленного против СССР. Кеннан, обладая природной склонностью к разведывательной работе, без каких-либо затруднений приспособился к этому делу.

Там, где дело касается реальных фактов развития Советского Союза, он предпочитал и предпочитает искаженную и фальшивую информацию, характерную для американского шпионажа.

До второй мировой войны Кеннан дважды посетил Советский Союз. Впервые это произошло во время учреждения американского посольства в Москве. Кеннан лично занимался подбором служащих для посольства и принял на себя заботу по частичному перенесению в Москву «деятельности», ранее осуществлявшейся из Риги. Для того

чтобы догадаться, в чем заключалась эта «деятельность», не требуется большого труда.

Вторичное пребывание Кеннана в Москве стало для него весьма неприятным, вследствие прибытия в СССР посла Джозефа Дэвиса. Хорошо известно, что Дэвис больше интересовался правдивыми фактами о Советском Союзе, чем небылицами Кеннана и Гендерсона, а это вряд ли соответствовало планам этих людей, находившихся в то время в Москве. Довольно скоро после прибытия Дэвиса Кеннан уехал из Москвы, и говорят, что если теперь только намекнуть, что Дэвис снова вернется в Москву в качестве посла, то Кеннан в припадке нервного возбуждения не будет спать всю ночь.

После Мюнхена Кеннан был направлен в Прагу и, по имеющимся сведениям, находился в прекрасных отношениях с марионеточным правительством Гаха. Из Праги Кеннан перекочевал в Берлин, где оставался до вступления в войну Соединенных Штатов.

Несомненно, в течение войны Кеннан пережил один из наиболее печальных периодов своей жизни. Именно в этот период он считал, что вся его карьера рушилась, так как США и СССР заключили союз против Германии и боролись бок о бок во имя поражения Гитлера. Близкие к Кеннану люди утверждают, что в тот период у него обнаружилась язва желудка, которая обострялась по мере укрепления американо-советского сотрудничества.

Мне кажется, что Кеннан испытывал сильнейшее волнение, принимая в 1944 г. пост советника американского посольства в Москве. Очевидно, он боялся, что, занимая этот пост, будет вынужден, независимо от собственного желания, приспособляться к хорошим взаимоотношениям, существовавшим в то время между обоими народами.

Однако по прибытии в Москву Кеннан обнаружил, что его высокий пост открывает широкие возможности для нарушения этой дружбы. Это стало еще более явным вскоре после смерти Рузвельта.

Кеннан обрел очень сильную поддержку в лице посла Гарримана, с нетерпением дожидавшегося смерти Рузвельта для того, чтобы отойти от его политики.

Мне точно известно, что Кеннан последовательно, день

за днем, строчил одну телеграмму за другой новому руководству государственного департамента.

Он старался доказать следующее:

1) американо-советская дружба являлась ошибкой, так как Америка и Советский Союз никогда не смогут жить в мире, несмотря на успешный союз во время войны;

2) советское правительство стремится к «мировому господству», «немедленной большевизации Европы» и, в конечном итоге, к «агрессии против Соединенных Штатов»;

3) Соединенные Штаты должны «противостоять» Советскому Союзу по каждому вопросу, независимо от его важности, ни в коем случае не вступая в соглашение с советским правительством, поскольку «всякое соглашение с Россией неосуществимо»;

4) соглашения, заключенные в Тегеране, Ялте и позднее в Потсдаме (несмотря на свои поистине неимоверные усилия, Кеннан не смог предотвратить заключение этих соглашений), были «серьезными ошибками»; Соединенные Штаты должны освободиться от обязательств, принятых ими в соответствии с этими соглашениями.

Телеграммы и донесения Кеннана встречали в госдепартаменте исключительно внимательное отношение. Они получали наилучшую оценку. Фактически они стали библией тогдашнего государственного секретаря США — Бирнса. Все сотрудники политических отделов департамента, а также многие другие из числа его персонала и сотрудники важнейших миссий во всем мире были обязаны знакомиться с этими телеграммами и донесениями.

Перед отъездом на работу в Советский Союз в 1946 г. мне пришлось посещать курс лекций, длившийся 8—10 недель в старом здании государственного департамента. Лекции читались через день по утрам. Всего на этих курсах выступало 20—25 лекторов из числа чиновников иностранной службы государственного департамента, прослуживших длительное время в какой-либо стране. Они делились своим опытом работы и отвечали на наши вопросы. Целью этих лекций было придать реакционное направление будущей работе выезжающих за границу сотрудников государственного департамента, научить их собирать секретную информацию и для этого «держать свои уши и глаза широко раскрытыми».

Лекции об условиях работы в Советском Союзе и о советской внешней политике читал Джордж Кеннан. Лекции от начала до конца были насыщены злобными антисоветскими выпадами. Из всех реакционных лекторов он был, пожалуй, наиболее реакционным.

Агрессивные антисоветские элементы в Вашингтоне, представлявшие финансовые и военные круги США, нашли в Кеннане свой идеал. После смерти Рузвельта в руках этих элементов (в результате жульнических махинаций, а не законных выборов) сосредоточился контроль над правительством Соединенных Штатов.

Кеннан выражал их взгляды лучше, чем на это были способны они сами, и, кроме того, он занимал авторитетный наблюдательный пост в Москве. Это обстоятельство придавало его заявлениям большой вес.

Таким образом, совершенно неожиданно Кеннан был провозглашен главным идеологом новой внешней политики Соединенных Штатов.

Эта позиция была официально закреплена за ним в 1947 г., когда государственный секретарь США Маршалл назначил его главой совета по планированию политики. Находясь на этом посту, он был призван формулировать основные принципы внешней политики Соединенных Штатов на «поддающийся предвидению период времени» и даже помогать ее проведению в жизнь. Он постоянно пользовался благосклонным вниманием государственного секретаря Маршалла и оказывал на него большое влияние.

В случае необходимости Кеннан выступал официальным представителем государственного департамента, взгляды которого он отражал. Он опубликовал статью в журнале «Форейн афферс» под псевдонимом «Мистер X». Для того чтобы американская пресса правильно оценила значение этой статьи, некоторым газетным репортерам личность ее автора была расшифрована. Это вызвало сенсацию (как и требовалось), в результате чего статье Кеннана был обеспечен значительно более обширный круг читателей в США и за границей, чем в том случае, если бы она была опубликована под его истинной фамилией.

Статья Кеннана хорошо известна. Взгляды руководящего деятеля государственного департамента, выражаемые

частным порядком, открыто и широко обсуждались в американском посольстве в Москве.

Кеннан заявляет, что «война между США и Советским Союзом неизбежна». Он считает, что США не могут «допустить существования преуспевающего социализма» в лице Советского Союза.

Рассматривая войну как нечто неизбежное, Кеннан доказывает, что чем скорее она разразится, тем лучше. «Несговорчивую» политику или так называемую «холодную войну» Кеннан рассматривает как средство для провоцирования настоящей войны в полном масштабе. Политику «обуздания» коммунизма, которую отстаивает Кеннан, он оправдывает необходимостью для США захватить весь мир.

Будучи заядлым германофилом, Кеннан проявляет большую настойчивость в вопросе о вооружении Германии, рассматривая ее как острие американской атаки против СССР. При этом Кеннан, всегда являвшийся сторонником западного блока, скорее предоставил бы руководящую роль в этой системе Германии, нежели Англии. Следует отметить, что в целом идеи Кеннана поразительно напоминают идеологию некоторых гитлеровских «философов».

Так же, как и его коллеги из клики «монополистов по советско-американским делам», Кеннан возлагает большие надежды на атомную бомбу. Он считает ее окончательным и единственным ответом коммунизму и мечтает использовать ее против советских городов. Это полностью соответствовало бы планам и чаяниям единомышленников Кеннана.

Конечно, главным препятствием для осуществления провокационных и экспансионистских планов Кеннана, помимо дальновидной политики самого Советского Союза, является американский народ. Кеннан, мало живший в США и еще меньше знающий о жизни и настроениях рядовых американских людей, резко отличающихся от общества дипломатов, в котором он провел всю свою жизнь, несомненно, в той же мере возмущен добрыми чувствами рядовых американцев, в какой он был возмущен Франклином Рузвельтом и его как внутренней, так и внешней политикой.

Кеннана возмущает даже буржуазно-демократическая представительная система государственного управления,

которая, несмотря на ее пороки, все еще до некоторой степени вынуждает чиновников, формулирующих внешнюю политику США, публично отчитываться за свои действия. Он негодует при одной мысли о том, что конгресс может вмешаться в деятельность «высшего интеллекта», каким, по его убеждению, он обладает. Вспоминая об избирателях, которые путем простого отказа действовать с ним заодно могут свести на-нет его антисоветские планы, он зеленеет от злости.

Кеннан достаточно разумен для того, чтобы сознавать, что рядовые американцы не желают войны, и поэтому в тех его высказываниях, которые могут получить огласку, он старается убедить своих слушателей, будто бы политика США ведет к... миру; наряду с этим он все время выдвигает такие мероприятия, которые фактически ведут к войне.

Кеннан лучше усвоил высказывание известного администратора американского цирка П. Т. Барнума, действовавшего по принципу: «каждую минуту в мире появляется на свет дурак», чем слова Авраама Линкольна, что «можно дурачить некоторых людей все время и весь народ — некоторое время, но нельзя постоянно обманывать весь народ».

Военная истерия так же, как и война, представляет собою бумеранг, который ранит тех, кто привел его в движение. Кеннан и его клика вызвали военную истерию в Соединенных Штатах, и теперь они должны поддерживать ее для того, чтобы избежать крушения представляемой ими политики и краха собственной карьеры. Кеннан и его сподвижники по антисоветской политике достигли сейчас наиболее опасной точки, когда угроза миру и безопасности во всем мире стала более реальной, чем когда-либо раньше. Вот почему необходимо писать о человеке, который в других отношениях и при других обстоятельствах не заслуживал бы даже некролога в пятнадцать слов.

Чарлз Болен. В антисоветской клике дипломатов Болен играет не менее важную роль, чем Гендерсон или Кеннан. В государственном департаменте его считают блестящим работником; это, очевидно, означает, что у него «быстро работает голова».

Болен изучал русский язык в Париже в начале 30-х годов. Затем, вместо обычного «курса обучения» в прибалтийских государствах, его назначили на работу во вновь созданное посольство США в Москве, где он в течение нескольких лет работал под непосредственным руководством Гендерсона и Кеннана.

Некоторое время он служил в государственном департаменте и затем в 1937 г. опять вернулся в посольство в Москву, где оставался до 1940 г. В течение этих трех лет большую часть времени он являлся в посольстве представителем «монополистов по советско-американским делам», поскольку Гендерсон в то время возглавлял русский отдел в Вашингтоне, а Кеннан находился в Праге и Германии.

Несмотря на свою ответственную должность, Болен в то время не рассматривался Гендерсоном как человек, могущий занять руководящее положение в антисоветской клике. Двери открылись для него несколько позже.

Когда Гендерсона в 1943 г. отдалили от русских дел и отправили в Ирак, «монополия» стала перед лицом серьезного кризиса. Нужно было найти людей, которым не только можно было бы доверить проведение политики клики, но, что особенно важно, найти такого человека, который мог бы завоевать доверие Рузвельта, проявлявшего исключительный интерес к русским делам.

Выбор пал на Болена; вместе с ним начали продвигать и молодого дипломата Рейнхардта. Однако, когда Рейнхардта назначили на другую работу, «монополия» возложила все свои надежды на Болена. Начали весьма хитроумно и тщательно готовить представление Болена Белому дому в качестве «нового специалиста» по американо-советским делам. Ожидаемая возможность возникла тогда, когда нужно было найти переводчика для важных переговоров Белого дома с советскими представителями.

Болен был представлен Рузвельту с соответствующими рекомендациями в качестве «переводчика». Причем его представили как «единственного человека» в государственном департаменте, подходящего для этой цели, хотя не приходилось сомневаться в том, что было много других людей на правительственной службе в Вашингтоне, которые знали русский язык значительно лучше, чем Болен.

В дипломатических кулуарах убежденно твердили, что Болен — весьма интересная личность, обладающая большим «личным обаянием», и надеялись, что это «обаяние» и его «быстрый ум» сумеют завести Рузвельта в подготовленный для него капкан.

Дело было сработано неплохо. Болен, очевидно, понравился Рузвельту, и он начал думать о нем, как о компетентном молодом человеке, которому можно было бы доверить ответственные поручения.

Болена взяли на Московскую конференцию 1943 г., а затем назначили начальником вновь созданного отдела восточноевропейских стран госдепартамента. В конце 1943 г. Рузвельт взял его с собой на Тегеранскую конференцию. К концу 1944 г. положение Болена стало настолько прочным, что появилась возможность назначить его специальным помощником государственного секретаря для связи с Белым домом.

В начале 1945 г. Болен был и на Ялтинской конференции.

Болен сохранил свою должность специального помощника государственного секретаря и после смерти Рузвельта. Он стал важным членом «монополии по советско-американским делам». Формально на конференциях он играл роль переводчика, но в действительности он брал на себя смелость давать далеко идущие советы по советско-американским делам.

Позднее Болен присутствовал на всех важных международных конференциях, играя свою двойную роль переводчика и советника. Он, например, участвовал в работе Потсдамской конференции. С тех пор пронырливый дипломат присутствовал на всех заседаниях Совета министров иностранных дел, включая заседания в Москве. В государственном департаменте Болена называют «выдающимся экспертом» по советско-американским делам.

Основное, что следует подчеркнуть, заключается в том, что Болен делал все, что было в его силах (весьма тайно, разумеется), чтобы подорвать политику покойного президента в отношении Советского Союза. Выдавая себя за «либерала» и человека, стремящегося к достижению взаимопонимания между СССР и Соединенными Штатами Америки, Болен по заданию «монополии» закладывал

фундамент для последующего полного отказа от политики Рузвельта в отношении Советского Союза и после его смерти активно участвовал в разрушении дружественных отношений между обоими государствами, которые были установлены во время войны. Все это Болен делал преднамеренно, с полным пониманием значимости своей подрывной работы.

Будучи личным советником президента по советско-американским делам, Болен мог контролировать назначение личного состава на основные должности в государственном департаменте, имеющие отношение к советским делам. Так, он способствовал назначению Элбриджа Дюрброу на должность своего помощника в отделе восточноевропейских стран государственного департамента и, насколько мне известно, именно он добился назначения Дюрброу начальником этого отдела, когда он сам двинулся вверх по служебной лестнице. Впоследствии Болен добился назначения Дюрброу в качестве советника американского посольства в Москве.

В 1944 г. Болен также сыграл значительную роль в назначении Кеннана советником посольства в Москве и, видимо, помог его продвижению на должность руководителя комиссии по планированию внешней политики. Другими словами, еще при жизни Рузвельта, в 1944—1945 гг., Болен активно занимался устройством членов «монополии» на руководящие должности. Этим он подготовлял почву для возвращения к старой политике враждебности в отношении России.

В американской прессе часто пишут, будто бы Болен является отпрыском знаменитой семьи германских военных промышленников Крупп фон Болен. Это утверждение, по всей вероятности, не соответствует действительности. Но во всяком случае в нем кроется один элемент правды. Если бы этот человек в действительности являлся представителем семьи Крупп фон Болен в Америке, то трудно представить себе, как бы он мог лучше или более успешно представлять их интересы и интересы всех крупнейших империалистов.

Изучив его послужной список, можно точно утверждать, что он действовал не только в качестве «внутреннего агента» «монополии по советско-американским делам»,

отстаивающего ее узкие интересы, но и в качестве ходатая по делам Уолл-стрита и американских финансовых кругов в целом, неоднократно заявлявших, что они не потерпят советско-американской дружбы и союза, за которые стоял покойный Франклин Рузвельт.

Элбридж Дюрброу. Дюрброу, о котором я пишу более подробно в другом месте, вступил в контакт с «монополией» в 1934 г., когда его назначили в американское посольство в Москве.

Превратившись в одного из руководящих и наиболее доверенных представителей этой клики, Дюрброу занимал ряд ответственных постов, на которых эффективно защищал ее интересы.

Чарлз Тейер. Этот человек, являющийся шурином Болена, окончил военную академию США в Вест-Пойнте. В настоящее время он возглавляет отдел радиопередачи «Голос Америки» в Нью-Йорке и назначен на эту должность благодаря своему «опыту работы в России», где в 1940—1941 гг. служил в посольстве.

Тейер — представитель «монополии» в «Голосе Америки». Для этой группы он, однако, является «человеком будущего», и очень вероятно, что через некоторое время мы многое о нем услышим. Считают, что Тейер будет занимать весьма ответственные посты, имеющие отношение к советско-американским делам в государственном департаменте и за границей, где он, безусловно, будет проводить антисоветскую политику своих друзей и родственников.

Эдуард Пейдж. Длительное время он служил в американском посольстве в Москве, а также в государственном департаменте в качестве «эксперта по советско-американским делам». Мне известно, что первоначально его готовили вместе с Боленом и Кеннаном для работы в качестве помощника Гендерсона в «монополии», и с ее помощью он занимал ответственные посты.

Фредерик Рейнхардт. О Рейнхардте я подробно пишу в другой главе. Он является одним из наиболее подлых в этой группе подлецов. К нему должно относиться с таким же презрением, если не с бо́льшим, как и к остальным членам этой клики. Этот бесчестный человек, несомненно, сделает отличную карьеру в государственном департамен-

те, в особенности в области американо-советских отношений, и можно не сомневаться в том, что его постараются долго держать на этой работе.

Фрэнсис Стивенс. Он является членом той же клики и уже около шести лет занимает важные должности в области советско-американских отношений. Судя по его официальной биографии, он изучал русский язык в государственном департаменте.

Ричард Дэвис. Дэвис работал в американском посольстве еще до того, как я туда прибыла, и все время занимает ответственные должности, связанные с советско-американскими делами в госдепартаменте. Не будучи полноправным членом клики, он, несомненно, энергично стремится стать таковым.

Человек, занимающий положение Дэвиса, либо будет принят в клику, если будет энергично проводить в жизнь ярые антисоветские планы, либо, в противном случае, под удобным предлогом будет несколько позже выброшен с работы правящей группой.

Левелин Томпсон. Судя по тому, что мне стало известно в посольстве о Томпсоне, его вряд ли можно считать полноправным членом «монополии». Однако он тесно сотрудничает с «монополией» и в настоящее время занимает важный пост в государственном департаменте.

Джон Дэвиз. По своему опыту Дэвиз является специалистом по Дальнему Востоку, а не по Советскому Союзу, хотя он работал здесь в течение двух лет, вплоть до 1947 г.

Джон Дэвиз является прекрасным примером того, каким образом «монополия по советско-американским делам» расширяет сферу своей деятельности, притягивая к себе лиц, занимающихся другими странами мира.

Я работала в посольстве под непосредственным начальством Дэвиза и знаю его довольно хорошо. Как и другие члены этой группы, Дэвиз является отъявленным карьеристом. Он делает все, что можно, чтобы продвинуться по служебной лестнице, независимо от того, как низко ему приходится нагибаться.

Дэвиз является мастером восточной интриги. Дэвиз вырос и воспитывался в Китае, и его мысли работают, как у китайского политикана. Это, конечно, довольно

полезно для него, поскольку в настоящее время имеется очень много общего между современной американской дипломатией и реакционной китайской политикой.

Дэвиз находится под большим влиянием своей жены, которая отнюдь не глупее его и весьма заинтересована в его карьере. Она является дочерью американского капиталиста и политического деятеля Генри Грейди, которого на протяжении последних лет выдвигали для выполнения особо одиозных работ в области американской дипломатии, когда нужно было иметь человека, особенно хитрого, бессовестного и ничем не брезгующего.

В посольстве Дэвиз являлся одним из основных исполнителей политики Кеннана и Дюрброу. В частности, он контролировал деятельность информационной службы посольства, а также работу пресс-отдела.

По поручению Кеннана и Дюрброу, Дэвиз должен был собирать от всех посольских служащих информацию об их контакте с русскими, а также информацию, которую они представляли друг о друге. Его жена активно помогала ему в этом деле.

Так как Дэвиз обладает психологией провокатора, ему часто поручали провокационную работу местного, посольского значения. Ему приказывали подрывать авторитет некоторых сотрудников и офицеров посольства, чтобы подготовить почву к их переводу из Москвы. Например, ему было поручено избавиться от Арманда Уиллиса, и он выполнил это задание весьма успешно.

Я довольно подробно изложу этот эпизод в другом месте, поскольку я была непосредственной свидетельницей этого события.

Дэвиз имел также задание от руководства американского посольства поддерживать тесный контакт с американскими корреспондентами в Москве для разведывательных целей, а также для возможных провокаций.

Очень часто, заходя в контору Дэвиза, я находила там одного или двух корреспондентов, с которыми он совещался. У него были определенные корреспонденты, которых он систематически использовал для того, чтобы сообщать из Советского Союза искаженные сведения и провокационные слухи. Этим корреспондентам Дэвиз систематически показывал свои папки с секретными отчетами и

телеграммами, написанными им и другими сотрудниками посольства. Он рекомендовал корреспондентам конспектировать эти доклады и использовать их для написания статей по возвращении в Соединенные Штаты. Это делалось для того, чтобы оказывать непосредственное влияние на информацию о Советском Союзе, предназначенную для обработки американского общественного мнения.

Наиболее ярко эта практика выявилась во время Московской конференции министров иностранных дел в 1947 г. Дэвиз приказал одной подчиненной ему сотруднице посольства, девушке-клерку, которая снабжала его информацией о других сотрудниках посольства, подготовить тщательно отобранные лживые доклады о Советском Союзе с тем, чтобы ими могли свободно пользоваться несколько десятков корреспондентов, приехавших с официальной целью — описать совещание Совета министров иностранных дел. Большинство корреспондентов было прислано своими газетами, дабы собрать для опубликования коллекцию слухов и выдумок, развращающих читателей американских газет. Причем все это должно было выдаваться за «правду о России, собранную корреспондентами на месте».

На протяжении всей конференции Дэвиз рекомендовал американским корреспондентам читать эти отчеты, конспектировать их и даже снимать копии с больших отчетов, которые позже были опубликованы в качестве «оригинальных наблюдений».

В этот период вся его работа протекала исключительно в контакте с корреспондентами. Он снабжал их хитроумной ложью собственного изготовления о советской жизни и Советском Союзе. Большинство из этих корреспондентов, присланных в Советскую Россию для сбора материалов именно такого рода, которые передавал им Дэвиз, были очень довольны, что им не нужно самим трудиться над стряпней подобной клеветы.

Я полагаю, что Дэвиз не является профессиональным разведчиком, а если и является таковым, то он не очень опытный шпион. Например, Дэвиз приказал одному из сотрудников посольства, работающему в консульском отделе, систематически допрашивать всех «интересных лиц», посещающих консульский отдел в качестве претендентов на американское гражданство.

Этот сотрудник — Уоллес, — несколько позже высланный из Москвы посольством за участие в пьяной драке, во время которой ему чуть не проломили череп, обычно разговаривал с такими лицами, а затем писал подробные доклады для Дэвиза об этих беседах. Дэвиз, значительно прикрашивая эти доклады антисоветской стряпней, использовал их в беседах со своими друзьями, разносившими его рассказы по всему посольству.

Дэвиз лично участвовал в допросах некоторых лиц, посетивших консульский отдел, пытаясь добыть «информацию», которая подтверждала бы проводимую им антисоветскую линию.

Дэвиз так преуспел в своей работе в американском посольстве в Москве, что ему простили его прежние грехи, которые заключались в том, что, работая в Китае, он якобы занимал дружественную позицию в отношении китайских коммунистов. В действительности, конечно, Дэвиз отнюдь не был «дружественно настроен» к китайским коммунистам. Он просто был двуличным человеком. Дэвиз, очевидно, надеялся на то, что ему удастся сыграть шпионскую и провокаторскую роль высокого класса во внутренней китайской политике в пользу гоминдановского правительства и Соединенных Штатов Америки. Однако он в чем-то допустил ошибку, приобрел репутацию прокоммунистически настроенного человека в китайской политике, и его убрали из Китая во время чистки американского посольства.

После этого ему дали возможность «искупить» свои грехи командировкой в Москву, и он их искупил. Его работа в Москве была настолько зловредной, что обратила на себя особое внимание «монополии по советско-американским делам» государственного департамента.

Из Москвы он направился прямо в Вашингтон, где был назначен в комиссию по планированию политики, возглавляемую Кеннаном.

В этой должности он имеет возможность продолжать свои интриги в гораздо более крупных масштабах.

«Монополия по советско-американским делам» государственного департамента в настоящее время переживает процесс быстрого роста своего влияния и расширения своего личного состава.

Конечная цель этой клики — захват в свои руки всех

командных постов, определяющих политику государственного департамента.

Для подготовки кадров антисоветских «экспертов» приняты меры к обучению большой группы молодых офицеров дипломатической службы. Молодые офицеры, работающие под руководством лидеров «монополии», должны будут занять стратегические должности в государственном департаменте, а также в американском посольстве в Москве для выполнения заданий «монополии». Предполагается, что они должны будут принять бразды правления в «монополии», когда нынешние лидеры уйдут в отставку.

Несколько человек из этой группы выделяются «способностями» и предназначаются для занятия руководящих должностей в будущем.

Вот каким образом «монополия по советско-американским делам» государственного департамента планирует свою антисоветскую работу.

ГЛАВА III

МОЯ ПОЕЗДКА В МОСКВУ

Я очень охотно приняла предложение поехать в Москву для работы в американском посольстве. С детства я много слышала о России. Она казалась мне далекой, таинственной и привлекательной страной. Позже я увлекалась произведениями Тургенева, Толстого, Пушкина, которые в переводе на английский язык, естественно, теряли часть своей прелести, однако давали возможность в некоторой степени познакомиться с жизнью мало известного для меня русского народа.

Воспитываясь в американских учебных заведениях, читая популярные в Америке журналы и газеты, я невольно в какой-то степени впитывала ту несусветную чушь, которую эти «свободные» органы американской печати распространяли о Советском Союзе. Но вместе с тем я чувствовала, что американская печать освещает советскую действительность далеко не с объективных позиций.

Мне трудно было поверить, что страна, давшая миру таких гениальных людей, как Ломоносов, Толстой, Пушкин, могла быть повинна в тех действиях и злых намерениях, которые приписывались ей херстовскими и другими газетами и журналами моей родины.

До меня иногда доходили (правда, частично в искаженном виде) отдельные сведения о мероприятиях советского правительства в области народного образования, здравоохранения, социального обеспечения и охраны материнства и младенчества. Эти отрывочные сведения силой логики фактов пробивали себе дорогу через «железный занавес», воздвигнутый американским правящим классом, дабы средний американец не мог узнать правды о СССР.

Со временем я начала понимать, что, возможно, клевета на Советский Союз, так энергично распространяемая

в США, объясняется именно этой логикой фактов: 60 семейств, держащих в своих руках всю политическую и экономическую власть в Америке, смертельно боятся, что советский пример может «заразить» «среднего американца». Если простые американские люди узнают, что при социализме и коммунизме простые люди живут лучше и свободнее, чем при капитализме, то, чего доброго, они захотят и в США забрать в свои руки все средства производства и политическую власть. Именно поэтому, как мне казалось, правящие классы США из кожи лезут вон, чтобы дискредитировать в глазах американцев жизнь в Советском Союзе.

Эта мысль, правда, была у меня лишь в зачаточном состоянии. Я интуитивно чувствовала, что это так, но годы воспитания в американской школе и университете не прошли бесследно. Мне трудно изложить на бумаге всю ту чепуху, которая преподносится слушателям американских учебных заведений под видом «информации» о Советском Союзе, да и вряд ли в этом есть необходимость.

У среднего американца, обучавшегося в американских учебных заведениях, в том случае, если он не принимает специальных мер к тому, чтобы узнать правду о Советском Союзе, складывается впечатление, что СССР — дикая, отсталая, агрессивная страна. Причем правящие круги Соединенных Штатов исходят из старого принципа рекламного дела в США, который гласит: «репутация — это повторение», т. е. положительная репутация какой-либо фирмы или продукта этой фирмы может быть создана в результате многократного повторения в печати, по радио и с помощью пишущих дымом самолетов достоинств данной фирмы и ее продуктов. Даже «истины», ни в какой степени не соответствующие действительности, при таком воздействии на американских обывателей имеют успех.

Например, на всех перекрестках и улицах американских городов и на шоссейных дорогах висят плакаты, расхваливающие достоинства прохладительного напитка «кока-кола». Миллионы американцев слепо верят утверждениям рекламы о том, что напиток «кока-кола» полезен для здоровья и «повышает жизненный тонус», несмотря на то, что в журнале Американской медицинской ассоциации неоднократно приводились данные, свидетельствующие о том, что напиток

«кока-кола», постепенно растворяя зубную эмаль, разрушает зубы. Однако журнал, имеющий тираж лишь в несколько тысяч экземпляров, не может эффективно бороться с миллионами плакатов, газетами и радио, расхваливающими мнимые достоинства «кока-кола».

Американские правящие круги в своей антисоветской пропаганде исходят из того же рекламного принципа. Они считают, что если достаточно часто повторять в различных вариантах клеветнические измышления о Советском Союзе, то, в конце концов, американский обыватель поверит этим измышлениям. При этом принимается в расчет то обстоятельство, что правдивые данные о Советском Союзе, публикуемые в прогрессивной печати, не доходят до массового американского читателя вследствие малого тиража этих изданий и отсутствия средств для издания многотиражных прогрессивных газет, которые печатали бы правдивые данные о положении в различных странах мира.

Американская печать свободна лишь в том смысле, что она может в любых масштабах клеветать на американские прогрессивные организации, на профсоюзы, на Советский Союз и страны народной демократии.

Когда я согласилась поехать на работу в Москву, я исходила, главным образом, из давнего желания узнать правду о Советском Союзе, о советском народе.

Во время войны против фашистских людоедов я, затаив дыхание, внимательно следила за ходом военных действий на советско-германском фронте. Легендарные подвиги красноармейцев, в ожесточенных боях отстаивавших свою родину, гигантские бои за Москву, Сталинград, Ленинград, изгнание германских оккупантов из пределов Советского Союза — все это привело меня к выводу, что народ, который с таким невиданным в истории героизмом отстаивает честь и независимость своей родины, не может быть таким плохим народом, каким его представляли нам американские школы, газеты и журналы. Так защищать свою родину может только народ, который любит ее больше самой жизни.

Для меня это стало ясно еще в Америке. Я захотела сама, своими глазами увидеть Советскую страну и героический народ, который покончил, как мне тогда казалось, навсегда с фашистскими каннибалами. Я чувствовала

несомненную преемственность между гуманизмом Толстого и Пушкина и тем, что происходило в СССР.

Я решила отбросить все, что я узнала о Советском Союзе из американских газет и журналов и в стенах учебных заведений, чтобы самой изучить жизнь в Советском Союзе, узнать советских людей и сделать для себя правильные выводы.

Американцы любят говорить о том, что Россия — это огромная, непонятная для них загадка. В некоторой степени и для меня эта страна представляла загадку. Я хотела разгадать ее. Я хотела понять движущие силы, которые превратили Россию из отсталой страны в мощную мировую державу, победившую на поле брани самую агрессивную, прекрасно вооруженную империалистическую державу.

Итак, я прибыла в Москву.

Служба в американском посольстве в Москве являлась моей первой работой на дипломатическом поприще. Я никогда ранее не работала в посольствах или консульствах и вообще впервые попала за границу.

Во время моей работы в разведке военно-воздушного флота США, а затем в разведке Управления стратегических служб через мои руки часто проходили документы, свидетельствующие о том, что американские посольства за границей в какой-то степени занимаются разведывательной работой. Мы часто получали доклады из американских посольств в различных странах с грифом «Особо секретно», в которых излагались разведывательные данные о политике, экономическом положении и вооруженных силах различных государств, причем эти доклады составлялись официальными работниками посольства.

Работая в разведке, я представляла себе, быть может по наивности, что разведывательная работа является какой-то небольшой частью деятельности посольства и что в основном работа посольства направлена на улучшение взаимоотношений между США и той страной, где находится посольство, на организацию потока официально добываемой объективной информации о положении в этой стране. Мне вообще казалось, что сотрудники американских посольств, являющиеся «глазами и ушами» американского народа за границей, должны в своей работе быть объективными в хорошем смысле этого слова, так как государ-

ственные интересы США, равно как и интересы американского народа, требуют получения достоверной и объективной информации о политике многих стран.

Кроме того, мне казалось, что послы и сотрудники американских посольств за границей должны также прилагать все свои способности и усилия к тому, чтобы иметь с правительствами стран, где они находятся, нормальные политические и торговые отношения, так как без этого никогда не удастся избавиться от хаоса, взаимного непонимания, недоразумений и других явлений, мешающих созданию стабильного процветающего мира.

Ведь в самом деле, если американское посольство в какой-либо стране в докладах своему правительству постоянно извращает факты о политике данной страны, заявляя, например, что эта страна имеет агрессивные намерения в отношении США, в то время как в действительности этого нет, то тенденциозная и необъективная информация в конечном счете нанесет, быть может, непоправимый ущерб интересам народа самих США. Именно поэтому мне казалось, что основное в работе послов и сотрудников американских посольств за границей — это объективное отношение к стране своего пребывания и бесстрастная регистрация фактов, официально добываемых и свидетельствующих о действительной политике этой страны.

Должна признать, что, приехав на работу в посольство, я была горько разочарована в этом вопросе.

В первые же дни работы в посольстве я убедилась в том, что не только руководящие работники (в том числе сам посол, советник, секретари), т. е. люди, в какой-то степени определяющие политику государственного департамента США в русском вопросе, но даже некоторые рядовые работники различных отделов посольства были настроены резко антисоветски, а подчас питали просто звериную ненависть к советскому строю.

Я увидела, что посольство является государственным департаментом в миниатюре. Послы, так же как и государственные секретари, приходят и уходят, но все руководящие должности в посольстве, в частности должности советника и секретарей посольства, в течение многих лет находятся в руках упоминавшейся выше руководящей клики госдепартамента — Кеннана, Дюрброу, Болена, Рейнхардта

и др. Эти люди являются так называемыми «карьерными дипломатами» и играют основную роль в определении путей и способов проведения в жизнь антисоветской внешней политики госдепартамента.

Нынешний американский посол в Москве Смит является профессиональным офицером разведки. Еще во время первой мировой войны он имел непосредственное отношение к американской военной разведке, а во время второй мировой войны, будучи начальником штаба генерала Эйзенхауэра, руководил деятельностью военной разведки американских экспедиционных сил в Европе. Даже журнал «Америка», издающийся в СССР Бюро информации США (до ухода из посольства я по совместительству работала помощником редактора этого журнала), в первом номере поместил портрет генерала Смита с подписью, что он является «знатоком и выдающимся организатором разведывательной работы». Совершенно ясно, что, назначая в Москву в качестве посла опытного разведчика, госдепартамент хотел дать «карьерным дипломатам» соответствующее направление и квалифицированное руководство в их антисоветской разведывательной работе.

В посольстве я увидела, что продолжаю работать в той же разведывательной организации, в которой работала до приезда в Москву, с той лишь разницей, что ранее я работала в органе, получающем, обобщающем и распределяющем разведывательные данные, добываемые за границей, а теперь я оказалась, если можно так выразиться, на передовой линии — в организации, добывающей разведывательные сведения за границей.

Вследствие крайних антисоветских настроений руководящего состава посольства, в том числе посла Смита, советника Дюрброу, первых секретарей Дэвиза и Рейнхардта, буквально вся информация, направляемая посольством в госдепартамент, крайне тенденциозно и в антисоветском духе освещает советскую внутреннюю и внешнюю политику и вообще все события и факты, имеющие место в Советском Союзе. Госдепартамент, в свою очередь, получая эти ложные данные, еще больше усиливает их и в таком виде преподносит американскому народу.

Из разговоров с рядовыми сотрудниками посольства, а также на основании своих личных наблюдений я быстро

убедилась в том, что работники посольства, настроенные в какой-бы то ни было степени объективно в отношении Советского Союза, проявляющие или намеревающиеся проявлять в своей работе это настроение, очень быстро убеждаются в том, что они должны перестроиться. В противном случае их быстро отзовут и выгонят с государственной службы, что в Америке почти равносильно смертному приговору, так как ни одна частная фирма в Соединенных Штатах не возьмет к себе на работу человека, изгнанного с государственной службы за «нелойяльное отношение к США».

В этом очень быстро убеждаются многочисленные американские служащие, которые увольняются с государственной службы в результате провокационной работы федерального бюро расследований. Тщетно пытаются найти хоть какую-либо работу у частных предпринимателей люди, уволенные из государственных учреждений без конкретных обвинений.

Когда я говорю о лицах, объективно настроенных в отношении Советского Союза, то речь идет не о профессиональных дипломатах, поскольку они подвергаются тщательному отбору. На работу за границу, как правило, посылаются лишь самые реакционные элементы. Речь идет, главным образом, о лицах, случайно попавших на дипломатическую работу во время войны, вследствие расширения штатов заграничной службы госдепартамента. Эти лица были взяты из университетов и научных учреждений США, хотя и среди них старались подобрать наиболее реакционно настроенных.

Основную скрипку в посольстве играет уже упомянутый мною советник посольства Элбридж Дюрброу, представляющий в посольстве антисоветскую клику госдепартамента. Он занимает этот пост в течение последних двух лет.

У Дюрброу имеется одна характерная черта, которую быстро замечают все сталкивающиеся с ним, — это ненависть к Советскому Союзу, злобная, патологическая ненависть ко всему советскому, русскому, славянскому. Временами это чувство овладевает им с такой силой, что он теряет самообладание.

Я не могу объяснить происхождение этого чувства. Мне неизвестно также, что кроется за ним и каковы его пси-

хологические корни. Даже посол Смит, который сам не может пожаловаться на объективное отношение к Советскому Союзу, всецело находится под его влиянием.

Следует отметить, что даже многие американцы из числа сотрудников посольства в Москве, являющиеся циничными до мозга костей людьми, напитавшимися доотказа последними антисоветскими фальшивками и слухами и во многих случаях настроенными резко антисоветски и антирусски, поражаются и не могут привыкнуть к «интенсивности чувств» Дюрброу.

Эти люди полностью свыклись с обычным профессиональным антисоветским направлением американских дипломатов, в значительной степени вызванным заботой о дальнейшем продвижении по службе. На них производит впечатление облеченная в тщательно продуманные фразы «идеология» Джорджа Кеннана. Но Дюрброу выходит за рамки их кругозора.

Этот маленький упитанный человечек с аккуратным пробором посредине головы является мастером двурушничества и интриги. Благодаря его широкой улыбке, веселому оживленному лицу и манере похлопывать собеседника по спине он производит впечатление честного и славного парня. И многие из сотрудников посольства, изгнанные из Москвы вследствие интриг Дюрброу, попрежнему убеждены в том, что он является их наилучшим другом.

Однако отнюдь не все американцы из числа находившихся здесь были введены в заблуждение этой в действительности довольно примитивной личностью. Многие видят его насквозь. И даже среди тех, кто соглашается с политикой Дюрброу, имеется значительное количество людей, остро его ненавидящих и презирающих. При упоминании имени Дюрброу в случайно собравшейся группе американцев, проживающих в Москве, всегда услышишь ироническое замечание или злобный смешок. Это объясняется тем, что многие американцы просто смеются над Дюрброу. Он любит выдвигаться на передний план. В компании он всегда стремится быть в центре внимания, даже если для этого потребовалось бы раздеться посредине комнаты. Он затмевает всех остальных своими ужимками и шутками.

Так, на костюмированном вечере, состоявшемся осенью 1947 г. в посольстве, Дюрброу появился в костюме цирко-

вого силача — чемпиона по поднятию тяжестей — в плотно обтягивающем его фигуру трико, исписанном вдоль и поперек соответствующими надписями, сделанными губной помадой. Он привлекал общее внимание в течение всего вечера, не давая никому возможности «проявить себя».

Если в подобных случаях над ним смеются, то частично это объясняется тем, что неудобно не смеяться над советником посольства, который паясничает, частично потому, что он выглядит крайне нелепо, и еще больше потому, что он действительно смешон. Если ему нравится эта роль, он должен был работать в цирке, а не в госдепартаменте, где, по-моему, не место клоунам.

Этому клоуну удалось довольно высоко подняться во внутренних кругах государственного департамента.

Если бы Дюрброу не представилась возможность попасть на дипломатическую службу в качестве представителя государственного департамента, он, вероятно, занимался бы грязными политическими махинациями где-нибудь в Соединенных Штатах или вел бы сомнительные дела в области юриспруденции. Он имел бы плохую репутацию, но зарабатывал бы неплохо, а для него это главное.

При настоящем своем положении он имеет возможность применить свое искусство шантажа большого и мелкого масштаба в интересах государственного департамента. Его высоко ценят именно за эту способность. Он со своими интригами так же важен для антисоветской клики государственного департамента, как Джордж Кеннан с его «философией». Чтобы отравить атмосферу, требуются все типы ядов, и Дюрброу — один из специалистов этого дела.

Элбридж Дюрброу участвует в антисоветской клике государственного департамента в качестве младшего партнера. В течение многих лет он никогда не был полностью и чистосердечно принят членами этой клики, ревниво относящимися к каждому новичку, пытающемуся пролезть в их круг.

Его дипломатическая карьера началась с назначением его в Варшаву и Бухарест. В Советский Союз он попал впервые только в 1934 г. Он проработал в Москве в течение трех с половиной лет, установив тесные связи с Лоем Гендерсоном и Джорджем Кеннаном.

Однако Дюрброу не произвел на Гендерсона должного впечатления для того, чтобы получить дальнейшее назначение на работу по линии СССР. Он был вновь включен в эту работу только после начала войны. Повидимому, это было сделано в виде эксперимента, из-за недостатка подготовленного для этой деятельности персонала.

Тем не менее, он настолько «хорошо» проявил себя во время этого эксперимента, что в 1944 г. был назначен помощником начальника отдела по делам Восточной Европы, а затем через короткий промежуток времени — начальником этого отдела.

В 1946 г. он был возведен в ранг советника американского посольства в Москве.

Американцы, работающие в посольстве, прекрасно знают, что посольством до последнего времени управлял не посол, а Дюрброу, и что он фактически решал все вопросы, связанные с подбором личного состава посольства. Дюрброу является автором наиболее важных телеграмм, направленных в государственный департамент из Москвы.

Кадровым служащим государственного департамента хорошо известно, что Дюрброу связан с департаментом на всю жизнь и, конечно, останется силой, с которой придется считаться в течение длительного времени. В то же время они знают, что посол рано или поздно уйдет из системы государственного департамента. Вполне естественно, что в связи с этим они уделяют Дюрброу больше внимания, чем послу.

Прибыв в Москву, Дюрброу предпринял все возможное для создания и укрепления «железного занавеса» между американцами из посольства и русскими. Он делает это в первую очередь потому, что живет в постоянном малодушном страхе перед влиянием русских на сотрудников посольства и возможными последствиями этого влияния.

Кроме того, изолируя своих сограждан от окружающей среды, он надеется таким способом более легко завоевать их доверие и использовать в антисоветских целях. Только в атмосфере полной изоляции от русских Дюрброу может осуществлять свою программу «ненависти к России», без риска возникновения в посольстве внутренних конфликтов.

В связи с этим следует отметить, что, несмотря на весьма тщательный отбор американцев для работы в Москве,

производимый государственным департаментом на основе их безоговорочной лойяльности по отношению к политике департамента, несмотря на пропаганду и проверки, которым эти американцы постоянно подвергаются в государственном департаменте и посольстве, туда все же иногда попадают беспристрастные, честные люди. Эти люди, если они будут иметь возможность лично ознакомиться с русским народом, его позициями и целями, никогда не примирятся с искажениями Дюрброу и никогда не будут помогать его политике «ненависти к России».

Поэтому Дюрброу, пользуясь в последнее время полной поддержкой посла Смита и государственного департамента, пытается путем прямого и косвенного нажима предотвратить широкое установление долговременного контакта между сотрудниками посольства и русскими.

Отдельным лицам, поддерживавшим длительный контакт с советскими людьми без разрешения руководства посольства, предлагалось порвать эти связи, они получали предупреждение, что в противном случае будут отправлены на родину и попадут в немилость. В других случаях такие лица получали назначение в другие представительства или под каким-либо предлогом отправлялись в Соединенные Штаты.

Иногда Дюрброу, который никогда не делал открыто что-либо такое, что он мог бы осуществить закулисным способом, выжидал, пока лица, нарушающие его приказы, не выезжали из СССР в отпуск или по другим обстоятельствам. Во время их отсутствия Дюрброу устраивал им перевод в другое место, чтобы воспрепятствовать их возвращению в Москву.

Я уверена, что не только вследствие случайного стечения обстоятельств моя соседка по комнате Сесилия Воз не возвратилась в Москву из Берлина, куда она была направлена для лечения в госпитале.

Конечно, Дюрброу, запрещая длительный контакт между американцами и советскими гражданами, делает явное исключение для многочисленных американских агентов, занимающихся сбором шпионских сведений. Эти агенты, имеющиеся в большом количестве не только среди сотрудников военного и военно-морского атташатов, но также и среди гражданских служащих посольства, не только

имеют разрешение на установление подобного контакта, но в соответствии с категорическими приказами уполномочены на это и обязаны подробно докладывать посольству о своих связях.

Контроль Дюрброу над сотрудниками посольства базируется в основном на системе информаторов, регулярно докладывающих ему о деятельности других американцев, их политических взглядах, личной жизни и дружеских связях. Эти информаторы проявляют особый интерес ко всем, питающим склонность к отклонению от политики посольства и государственного департамента. Мне говорили, что посол также твердо верит в эту систему «информаторов».

Особенно полезными в этой системе оказались некоторые из жен офицеров и служащих посольства. Прекрасным информатором являлась жена Дэвиза, преднамеренно поощрявшая некоторых девушек, из числа служащих посольства, к «откровенности» с нею и систематически информировавшая своего мужа и Дюрброу об их настроениях и сплетнях, услышанных ими от других сотрудников посольства.

Необходимо добавить, что, по утвердившемуся в посольстве мнению, корреспондент Роберт Магидов также был полезен в этой области. В качестве «независимого», постороннего человека, часто высказывавшегося в пользу Советского Союза, Магидов имел возможность собирать различные сведения и затем докладывать о взглядах некоторых «оппозиционно настроенных личностей», доверявших ему.

За время своего пребывания в Москве Дюрброу успешно избавился от всех, кто по каким-либо причинам был ему неугоден. Иногда для того, чтобы набросить тень на «лойяльность» тех, кто ему не нравился, он пользовался донесениями информаторов. В других случаях он применял более грубые методы.

Один из курьеров охраны при посольстве проявлял слишком большое рвение в работе. Он регулярно обходил все служебные помещения после окончания работы. Дважды он обнаруживал сейф Дюрброу открытым в тот период, когда кабинет никем не охранялся, и дважды заявлял, что информирует государственный департамент об

этом серьезном нарушении правил безопасности. Вскоре после этого он уехал в отпуск за пределы Советского Союза и был в течение этого времени переведен в другое представительство. Все это произошло совершенно неожиданно для него.

Дюрброу, так же как и другие «монополисты по советско-американским делам» в государственном департаменте США, проявляет большую энергию в деле искажения фактов в своих донесениях о Советском Союзе. Дюрброу докладывает только те сведения, которые соответствуют его политике, т. е. сведения клеветнического характера. Хотя, по имеющимся у меня данным и в соответствии с создавшимся у меня впечатлением, работа Дюрброу в этой области является довольно грубой, он всегда находит готовую его выслушать аудиторию, поскольку лица в Вашингтоне, получающие и читающие его телеграммы и доклады, вполне подготовлены к тому, чтобы поверить в любую ложь, которой он их снабжает. Дюрброу любит эту «работу» и, знакомясь с новой антисоветской сплетней или каким-либо фактом, который может быть искажен в антисоветском направлении, радуется как дитя, получившее новую игрушку.

То обстоятельство, что этот «эксперт» по русским делам, знающий русский язык только в пределах, достаточных для того, чтобы объяснить своему повару, что он желает заказать на обед, и абсолютно не осведомленный о Советском Союзе, находит в Вашингтоне аудиторию, всегда готовую поверить подобным «донесениям»,— свидетельствует о легковерности этой аудитории и является показателем того, в какой степени жаждущее определенных сведений мышление, вытекающее из антисоветских настроений, доминирует над объективностью.

Когда на работу в посольство приезжают новые сотрудники из Америки, Дюрброу, как я убедилась в этом на собственном опыте, с особым рвением берется за их обработку в антисоветском духе и продолжает ее в дальнейшем в большей или меньшей мере, в зависимости от степени антисоветских убеждений вновь приехавших.

Из разговоров с некоторыми прогрессивно настроенными сотрудниками посольства я вынесла впечатление, что кое-кто из них, быть может по наивности, считает,

что если бы в посольстве был другой советник, который фактически возглавляет всю политическую работу посольства, то вся атмосфера в посольстве была бы иной.

Из всего того, что я слышала и видела в госдепартаменте в отношении бывшего советника посольства Кеннана, я убедилась в том, что Дюрброу является его достойным преемником.

Дюрброу разжигает вражду между США и Советским Союзом буквально таким же образом и с помощью таких же методов, к каким прибегал Кеннан.

Из своего опыта, а также из опыта других лиц я узнала, что все основные документы, исходящие из посольства в госдепартамент, редактируются лично Дюрброу. Сотрудники посольства хорошо изучили его политический и литературный стиль и знают, что если их служебные доклады не будут содержать 2—3 антисоветских выпадов, не будут по форме и существу всецело направлены против Советского Союза, то Дюрброу этот документ не пропустит в госдепартамент.

Желая сохранить свою службу и благорасположение Дюрброу, а следовательно, и господствующей клики госдепартамента, сотрудники посольства составляют свои материалы именно в этом духе. Несмотря на это, Дюрброу почти в каждый документ вставляет от себя антисоветские толкования того или иного факта советской действительности.

Антисоветская информация, получаемая от сотрудников посольства, работников военного атташата, корреспондентов и других лиц, соответствующим образом обрабатывается и только после одобрения Дюрброу представляется на подпись послу для направления в Вашингтон.

Так же как и большинство его коллег, Дюрброу не питает никакого уважения к американской системе правления и часто, даже в кругу своих служащих, допускает критические замечания по адресу конгресса и президента США.

Подобно всем его друзьям из числа членов антисоветской клики в государственном департаменте, Дюрброу предпочел бы, чтобы нынешнее правительство Соединенных Штатов было заменено авторитарным антикоммунистическим режимом, ибо это позволило бы его группе бескон-

трольно проводить свою политику, продиктованную интересами Уолл-стрита.

Однако Дюрброу не имеет самостоятельных политических убеждений. Для него характерны только эмоциональные реакции. Он ненавидит Советский Союз, и его взгляды во всем остальном обусловлены прежде всего этим первостепенным по его значимости фактом.

Первым секретарем американского посольства в Москве является Фредерик Рейнхардт, высокий брюнет, внешне довольно интересный мужчина, хотя он и производит впечатление немного скользкого человека.

Он является образцом дипломата в представлении американцев. Ему нехватает лишь традиционного монокля.

Лучше всего он себя чувствует во время «дипломатического» чая, на дипломатических приемах, коктейлях и т. п., когда кто-то другой платит за угощение. Он также всегда прекрасно знает, с какими лицами нужно дружить для обеспечения своей карьеры и как с ними обходиться.

Рейнхардт пользуется большим успехом у женщин и прекрасно сознает это. Он чувствует себя одинаково непринужденно, угождая влиятельным старым дамам или флиртуя с 20-летними девушками.

Умение завоевать симпатии женщин является одним из основных его «достоинств», и он убежден, что одним из ключей к его успеху на американской дипломатической службе является искусство влиять на жен тех деятелей, которые могут быть полезны для его карьеры.

Рейнхардт представляет собой яркий пример «денационализированного» американца. Свое образование он получил, главным образом, в Западной Европе. Он совершенно свободно говорит по-французски, по-немецки, по-итальянски и по-русски. Он практически ничего не знает и не желает знать об Америке. Он очень мало жил в Соединенных Штатах и ежегодно проводит свой отпуск в Швейцарии. Рейнхардт нисколько не интересуется «неотесанными» американцами, зато он проявляет большой интерес к «культурным» немцам.

Рейнхардт, как и Джордж Кеннан,— несомненный германофил. В 1940—1941 гг., несмотря на явные признаки близкого начала войны и на часто выражаемую враждеб-

ность правительства США в отношении Гитлера, лучших друзей Рейнхардта можно было найти в германском посольстве в Москве. Он был их закадычным приятелем, и вряд ли приходится сомневаться в том, что он являлся ценным источником информации для германских кадровых разведчиков по вопросу политики США в отношении Германии и Советского Союза.

Именно в свете этих симпатий нужно рассматривать значимость того обстоятельства, что в госдепартаменте Рейнхардт, как и Кеннан, считается одним из ведущих экспертов не только по Советскому Союзу, но и по Германии.

Однако основной движущей силой характера Рейнхардта является не симпатия его к Германии или ненависть в отношении России, независимо от того, какое значение для него имеют эти черты.

Предметом основных забот Рейнхардта является его собственная карьера. Он является карьеристом до мозга костей, всегда ищущим возможность продвинуться по службе, независимо от того, чего это ему будет стоить и насколько низко придется для этого кланяться.

В посольстве хорошо известно, что, когда Рейнхардт был здесь до войны, он влюбился в американскую девушку финского происхождения. Хорошо известно также, что в результате этого романа она родила от него ребенка, умершего вскоре после рождения. Рейнхардт, однако, не женился на этой девушке, так как считал, что, не имея ни состояния, ни положения в обществе, эта девушка может «испортить его карьеру», хотя по-своему любил ее. Не совсем ясно, как брак с американской девушкой, даже не обладающей богатством и положением в обществе, мог бы помешать карьере Рейнхардта. Однако он рассуждал таким образом в отношении всех вопросов, касающихся его карьеры.

Рейнхардт начал свою карьеру в государственном департаменте в 1937 г. Уже в 1939 г. он близко подошел к области американо-советских отношений, будучи направлен на работу в американское посольство в Таллин. В 1940 г. его послали в американское посольство в Москву, где он оставался до 1942 г. в качестве третьего секретаря посольства. В 1942 г. его вернули в государственный

департамент, где он получил назначение в отдел, занимающийся «русскими делами» под начальством Лоя Гендерсона.

Можно считать, что контакт с Гендерсоном являлся достаточным основанием к тому, чтобы обеспечить вступление Рейнхардта в группу антисоветских чиновников госдепартамента, осуществляющих монополию в «русских делах».

Гендерсон в это время находился в крайне затруднительном положении. Как я уже писала, он официально предсказывал, что немцы в 1941 г. одержат победу над Россией. Гендерсон весьма активно пропагандировал эту мысль в госдепартаменте.

К 1942 г. Гендерсон, естественно, имел смешной вид в госдепартаменте, поскольку его предсказания не сбылись. Даже в Белом доме начинали понимать, что в этот критический момент Гендерсон пытается подрывать американо-советские отношения. Поэтому Рузвельт намеревался отстранить Гендерсона от работы в области советско-американских отношений.

Гендерсон прекрасно чувствовал это и стремился укрепить положение клики «русских экспертов», хотя бы в своем отделе госдепартамента, с тем, чтобы сохранить влияние там, даже если ему придется временно уйти в «ссылку». Для этой цели можно было превосходно использовать Рейнхардта. Он находился в Вашингтоне именно в этом отделе и не скомпрометировал себя в той степени, в какой это сделали другие «эксперты» по советским делам. Можно было вполне положиться на то, что он будет энергично проводить антисоветскую политику.

Так Рейнхардт был принят в антисоветскую клику госдепартамента и с тех пор является одним из руководящих деятелей в области советско-американских отношений, разумеется, менее важным лицом, чем Кеннан, Болен или Дюрброу, но, во всяком случае, таким человеком, для которого предначертано важное будущее в этой области.

Ошибочно было бы считать, что внутри этой небольшой клики «экспертов» по советским делам все обстоит благополучно. В действительности Рейнхардт, как хорошо известно, ненавидит Дюрброу, и в частных разговорах с наиболее интимными своими друзьями в посольстве он не колеблясь высказывает свое отрицательное к нему отношение.

Есть все основания предполагать, что Дюрброу отвечает взаимностью на ненависть Рейнхардта. Однако официально они являются лучшими друзьями. Во всяком случае, по вопросу американской политики в отношении Советского Союза у них существует полное единство.

Рейнхардт испытывает к России почти такую же сильную ненависть, как и Дюрброу. Рейнхардт, несомненно, хотел бы стереть Советский Союз с лица земли при помощи атомных бомб и без колебаний открыто говорит об этом в посольских кругах. Он очень боится всего советского.

В американском посольстве в Москве Рейнхардт до последнего времени руководил работой пресс-отдела, занимающегося сбором и передачей в Вашингтон повседневных новостей, публикуемых в советских газетах.

Занимая такое положение, Рейнхардт назначил Дэвида Генри, который, как говорят, является его родственником, начальником пресс-отдела. Работой пресс-отдела Рейнхардт руководил таким образом, чтобы сконцентрировать максимум внимания на тех событиях, которые можно было при соответствующем толковании в наибольшей степени извращать, с тем чтобы оклеветать советскую политику и политическую жизнь СССР. Его доклады были постоянно направлены к тому, чтобы поддержать антисоветскую политику посольства в госдепартаменте. Он ставил перед собой цель — скрыть от госдепартамента в Вашингтоне все факты и события, которые в какой-либо степени противоречат этой политике. С этой точки зрения его положение в посольстве можно было считать довольно значительным.

Рейнхардту было поручено также поддерживать отношения с иностранными дипломатами в Москве, чтобы получать от них клеветническую информацию. Он страстно охотился за сплетнями и слухами в Москве и немедленно докладывал такие сплетни и слухи, которые соответствовали его программе информации госдепартамента. Рейнхардт высоко ценится за его способности именно в этой области «дипломатической» работы.

В посольстве считают весьма вероятным, что Рейнхардт имел также задание вести разведывательную работу среди советских граждан. Известно, что он поддерживал тесные

связи с военными и гражданскими разведывательными органами США и от них получал различные задания, которые могли даваться лишь лицам, имеющим высокий дипломатический ранг и хорошо знающим русский язык. Достаточно сказать, что Рейнхардт, хотя он всячески пытался скрыть это обстоятельство от всех других сотрудников посольства, прилагал все старания к тому, чтобы наладить контакт с некоторыми советскими гражданами.

Рейнхардт поддерживал тесную связь с консульским отделом посольства, отделом, в котором работают сотрудники разведки, использующие консульскую работу в целях получения информации от претендентов на американское гражданство.

Сравнительно недавно Рейнхардт был назначен американским консулом в Ленинграде. В посольстве считают, что эта должность имеет первостепенное значение для разведывательной работы. Рейнхардт, однако, не поехал в Ленинград. Он был слишком ленивым человеком, чтобы довести до конца все необходимые подготовительные работы. Это хорошо известно в посольстве, хотя оно лицемерно сообщило в госдепартамент, что советские власти чинили «препятствия» к созданию консульства в Ленинграде.

В действительности, разумеется, совершенно очевидно, что в Ленинграде можно было начать работать хотя бы во временном помещении, даже если бы пришлось месяц или более дожидаться приведения в порядок постоянного здания для работы. Это, однако, вряд ли соответствовало вкусу Рейнхардта, и он туда не выехал.

В свое время Рейнхардту предложили переселиться в личную резиденцию посла на Спасо-Песковском и до некоторой степени оказывать послу помощь в управлении особняком, в устройстве приемов и в другой «работе». Рейнхардту очень не по душе пришлась эта работа, и он сильно невзлюбил посла. В результате некоторых инцидентов, имевших место после поздних вечеринок, это обстоятельство стало достоянием всего посольства.

О Рейнхардте стоит писать так много, как я это делаю, потому что он является одним из ведущих молодых «специалистов» в антисоветской клике госдепартамента. Ему идет лишь четвертый десяток лет, и перед ним раскрывается

большая карьера активного участника антисоветской политики в различных должностях, на которые его могут назначить, во многих странах мира, равно как в Москве и Вашингтоне.

Можно быть почти уверенным в том, что, в конце концов, он будет занимать весьма важные должности в самом госдепартаменте. Его необычайная способность быстро продвигаться по служебной лестнице является почти полной гарантией его положения в будущем.

Солидное положение такого человека, как Рейнхардт, следующего по стопам Гендерсона, Кеннана и Дюрброу и в то же время энергично воспитывающего маленьких гендерсонов, кеннанов, дюрброу и рейнхардтов, которые должны будут заниматься американо-советскими отношениями в будущем, является одним из ярких примеров, показывающих, что госдепартамент вверил свою судьбу людям, направляющим все свои способности к одной цели — постоянному ухудшению американо-советских отношений.

Совершенно безнадежно ожидать улучшения этих отношений без коренных политических изменений внутри США, которые повлекут за собой тщательную чистку в госдепартаменте.

Такие люди, как Рейнхардт, прекрасно понимают, что их карьера придет к печальному концу в тот момент, когда Америка и Советский Союз вновь наладят дружественные отношения. Поэтому они будут делать все, что в их силах, чтобы предотвратить урегулирование известных разногласий между этими двумя государствами. Именно такие люди стремятся разжечь вражду между американским и советским народами, и это будет продолжаться до того дня, когда американский народ примет решение снять этих «дипломатов» с их важных постов, с тем чтобы заменить их объективными людьми, ставящими интересы своей страны выше, чем их собственные эгоистические, карьеристские интересы.

Я охарактеризовала лишь нескольких руководящих деятелей американского посольства в Москве, не останавливаясь подробно на других, так как руководящие должности в посольстве всегда заняты представителями вашингтонской антисоветской клики госдепартамента, достаточно подробно освещенной мною в другой главе.

Таким образом, американский народ и общественное мнение почти целиком зависят от небольшой группы реакционных лиц, в том числе и сотрудников посольства и реакционных корреспондентов, монополизирующих в своих руках все каналы информации о Советском Союзе и наносящих тем самым огромный ущерб интересам американского и советского народов.

ГЛАВА IV

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РАБОТА АМЕРИКАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА

Как я уже упоминала, американское посольство в Москве в своей работе исходит из задачи, которая сводится к сбору тенденциозной информации о Советском Союзе. Эта задача, разумеется, не была сформулирована в Москве. Я лично знаю несколько случаев, когда за подписью государственного секретаря или его заместителя в посольство поступали шифрованные телеграфные директивы о сборе тенденциозной информации, которую можно было бы использовать для широкой антисоветской пропаганды в американской печати и по радио.

Госдепартамент неоднократно напоминал посольству, что для борьбы с растущим международным влиянием Советского Союза необходимо интенсифицировать сбор такого рода информации, которая могла бы быть использована для пропаганды против Советского Союза как в США, так и в других странах через каналы американского Бюро информации.

В этих циничных и беззастенчивых директивах руководство госдепартамента делало особый упор на подтасовку и извращение фактов о материальном положении населения Советского Союза для последующего их использования в антисоветских пропагандистских целях.

Мне иногда казалось, что я работаю в каком-то разведывательном аппарате. Если взять хотя бы только Бюро информации, в котором я непосредственно работала, то в последние годы и месяцы в этом Бюро работали почти исключительно профессиональные разведчики, которые никак не могли да, видимо, и не хотели избавиться от своих разведывательных привычек.

Речь идет о таких профессиональных разведчиках, как Уиллис и Вильямс, работавшие ранее в военно-морской разведке США, бывший начальник Бюро информации Мелвилл

Регглс и Джозеф Хэнсон, являвшиеся кадровыми сотрудниками Управления стратегических служб.

Я видела, что работники посольства, в соответствии с заданиями руководства посольства и госдепартамента, используют все мельчайшие возможности для сбора тенденциозной информации о материальном положении и моральном состоянии жителей Советского Союза, данные о развитии промышленности и сельского хозяйства в СССР и т. п.

Например, когда сотрудники посольства по деловым или личным соображениям совершают поездки по Советскому Союзу, они обязаны по возвращении в посольство составлять подробные доклады обо всем виденном и слышанном в пути, о всех встречах с советскими людьми, разговорах с ними, о сведениях, почерпнутых из этих разговоров, причем им вменяется в обязанность подчеркивать все отрицательные данные, хотя бы самые незначительные, которые могут быть использованы в целях антисоветской пропаганды.

Мне лично известно о многих случаях, когда сотрудники посольства преувеличивают некоторые недостатки, замеченные ими в пути следования, а то и просто выдумывают отдельные эпизоды, рассчитанные на опорочивание отдельных сторон советской действительности.

Все это делается исходя из того, что чем больше антисоветской клеветы в докладе или меморандуме сотрудника посольства, тем выше он ценится.

Поездки по Советскому Союзу, предпринимавшиеся сотрудниками посольства во время войны якобы для связи с американскими представителями в Одессе, Белоруссии, на Украине (ЮНРРА), в Мурманске, Архангельске, Владивостоке, а после войны, главным образом, поездки во Владивосток, где имеется американское генеральное консульство, использовались и используются поныне для сбора тенденциозной разведывательной информации.

Можно было бы привести множество примеров. Ограничусь лишь двумя.

Атташе американского посольства Луиза Люкке, бывший майор военно-морской разведки США, по заданию руководства посольства предприняла поездку во Владивосток якобы с дипломатической почтой, а на самом деле для ведения разведки в пути следования.

Перед ней ставилась задача — завязывание знакомств в пути следования, выявление военных объектов по Транссибирской магистрали и сбор клеветнической информации о материальном положении населения Сибири и Дальнего Востока, которая могла бы быть использована для антисоветской пропаганды в США.

По возвращении в Москву Луиза Люкке написала обстоятельный доклад обо всем виденном и слышанном в пути следования, о всех знакомых, приобретенных ею в дороге, о всех разговорах с ними и различных других деталях, вплоть до цен на продукты питания на всех крупных станциях, где останавливался поезд. Вся эта «обширная» информация была изложена в резко клеветническом тоне. Как мне удалось выяснить, некоторые эпизоды просто были выдуманы Люкке для того, чтобы придать больше остроты и интереса своему докладу.

Как рассказывала Люкке, многие факты она выдумала в связи с тем, что в пути между Москвой и Владивостоком она познакомилась с приятными людьми и всю дорогу веселилась, выпивала, играла в карты и фактически ничего как следует не разглядела.

Подобным же образом «отличился» третий секретарь посольства, Фрингс, который недавно совершил поездку по Уралу, Средней Азии и Кавказу, завязывая в дороге многочисленные знакомства с пассажирами, выпытывая у них различные сведения, и в извращенном свете изложил все это в докладе госдепартаменту.

Эти американские «дипломаты» не ограничивались общим наблюдением, материал которого после соответствующей обработки мог быть использован для антисоветской пропаганды, но и стремились также собрать, по возможности, больше сведений, носящих чисто военный характер.

Фрингс, например, тщательно подсчитывал и записывал названия всех аэродромов, встречавшихся по пути следования, считал количество самолетов, находящихся на этих аэродромах, пытался установить дислокацию и состав воинских частей, располагавшихся по пути следования, и другие подобные вопросы, имеющие чисто военное значение, занимался военным шпионажем в прямом смысле этого слова.

Для лучшей организации сбора разведывательной информации американское посольство в Москве разбито на отделы: экономический, политический, пресс-отдел, сельскохозяйственный, консульский и ряд технических и административных отделов для обслуживания специализированных отделов и бытовых нужд сотрудников.

Названия этих отделов определяют направленность их разведывательной работы. Например, экономический отдел посольства собирает данные о работе советской промышленности, о количестве и качестве выпускаемой продукции; ведет тематическую картотеку по советской экономике, куда заносятся данные, собираемые сотрудниками посольства и взятые из советской печати.

Точно таким же образом ведет свою работу и сельскохозяйственный отдел. Он собирает данные о размерах прошлого и предстоящего урожаев в СССР.

В консульский отдел посольства обычно приходят лица без гражданства и некоторые бывшие американские подданные, ныне проживающие в СССР, по различным интересующим их вопросам. Одни хотят найти своих родственников, проживающих в Америке, чтобы наладить с ними переписку, другие, особенно старики и старушки, приходят выяснить, можно ли выехать к своим детям, проживающим в США. Сотрудники консульского отдела, в большинстве своем являющиеся кадровыми разведчиками, всегда стараются использовать этих посетителей для сбора разведывательной информации о Советском Союзе.

Прежде чем удовлетворить ту или иную просьбу посетителя, сотрудники консульского отдела подвергают его подробнейшему разведывательному опросу. Они выясняют данные о дислокации частей Советской Армии, о материальном положении населения Советского Союза (особенно в тех случаях, когда посетители приезжают в Москву из других городов) и другие вопросы, имеющие разведывательный характер. Такие люди, сами того не замечая, превращаются в информаторов американцев.

Сотрудники консульского отдела не гнушаются ставить удовлетворение просьбы посетителя в зависимость от откровенности его ответов на вопросы американцев. Отдельных наивных посетителей они ловко опутывают, устраивают проволочки с разрешением поставленных ими вопросов,

чтобы заставить их чаще заходить в консульский отдел, и дают им различные задания шпионского характера, настаивая на их выполнении.

Я знаю о таких случаях, и меня всегда глубоко возмущало подобное циничное использование в шпионской работе против СССР беспомощных стариков и старушек из числа посетителей.

Американским разведчикам, работающим в консульском отделе, нет никакого дела до того, что, втягивая своими заданиями посетителей в шпионскую работу, они ставят их под серьезную угрозу быть привлеченными советскими властями к уголовной ответственности за передачу разведывательной информации американцам.

Перед ними стоит одна задача — собрать возможно больше разведывательной информации, невзирая на неизбежный риск для их информаторов.

Именно эта циничность по отношению к людям меня больше всего возмущала, но занимаемое мною положение в посольстве не давало мне возможности помешать этим безжалостным действиям американских разведчиков.

Ряд моих друзей из числа сотрудников посольства США рассказывал мне, что американские разведчики, маскирующиеся в тогу дипломатов, предпочитали толкать на шпионский путь посетителей посольства потому, что вести разведывательную работу в СССР очень трудно и что такая работа здесь связана с большим риском.

Эти американские разведчики неоднократно жаловались, что советские граждане не идут на вербовку, причиняя им большие неприятности, после которых они порой должны даже быстро ретироваться из СССР.

Вследствие этих причин американские разведчики, стремящиеся выслужиться перед начальством, так как руководство разведки в Вашингтоне требует усиления разведывательной деятельности в СССР, ищут агентуру среди разложившихся людей и разных отбросов советского общества, преклоняющихся перед так называемой «западной культурой».

После того как американские агенты из этих подонков попадали в руки советских органов, сами американские разведчики как среди сотрудников своего посольства, так и среди других дипломатических миссий в Москве широко

распространяли слухи об аресте в Советском Союзе «невинных людей». Это поистине верх цинизма!

Когда в качестве посла в Москву прибыл профессиональный разведчик генерал-лейтенант Смит, многое из того, что осталось после Гарримана, который был разведчиком лишь по призванию, а не по профессии, ему не понравилось. С точки зрения Смита, в разведывательной работе посольства было много «наивного», и он ее коренным образом перестроил.

Смит заставил буквально каждого сотрудника посольства, вплоть до последнего клерка, независимо от того, в каком отделе он работал, заниматься разведывательной работой. Он вменил в обязанность сотрудникам посольства завязывать кратковременные связи среди советских граждан, вести с ними разговоры на самые различные темы советской жизни и затем подробнейшим образом обо всех сведениях, «важных» и маловажных, составлять пространные меморандумы. Для этих целей руководство посольства даже несколько ослабило негласный режим, при котором рекомендовалось встречаться с советскими гражданами.

Как посол Смит, так и советник Дюрброу неоднократно подчеркивали в разговорах с сотрудниками, что в разведывательной работе нет мелкой, незначительной информации; любая подхваченная деталь по любому вопросу советской экономики, культуры и т. п. представляет интерес.

Исходя из этих указаний Смита и Дюрброу, чиновники американского посольства шныряют по Москве и Московской области, пытаясь разведать расположение оборонных объектов, а если это не удается, рыскают по базарам, магазинам, ресторанам, кафе, вокзалам, собирают там всякого рода сплетни и слухи, обрабатывают их в антисоветском направлении, выдают эти сведения за секретные, которые якобы добыты агентурным путем, и в таком виде отправляют их в Вашингтон.

Дело доходило иногда до того, что советник Дюрброу настаивал, чтобы сотрудники посольства записывали и представляли в виде меморандумов даже анекдоты, которые им удавалось слышать от своих советских знакомых в городе.

Специальная сотрудница посольства Марта Халлоран работала над обобщением меморандумов, поступавших от сотрудников посольства,— больших и малых. Она также

вела тематическую картотеку, куда заносились собираемые сотрудниками посольства данные по вопросам советской промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

Мне известно много случаев, когда сотрудники, желающие выслужиться, сами выдумывали антисоветские клеветнические «факты», представляя их в виде меморандумов, с изложением якобы состоявшегося разговора с каким-либо советским гражданином.

Все эти данные обобщались и заносились в картотеку. Когда сотрудники посольства составляли очередной доклад по какому-либо вопросу, они обязательно прибегали к этой картотеке. Можно себе представить, насколько необъективно и тенденциозно освещалась советская действительность на основании собранных таким образом сплетен и отрывочных данных.

Некоторые прогрессивно настроенные сотрудники посольства саботировали попытки втянуть их в подобную разведывательную работу.

Дюрброу неоднократно предлагал мне составлять разведывательные меморандумы обо всех моих знакомых, разговорах с ними и т. п.

Когда я вернулась, например, из поездки в Одессу, где проводила свой отпуск, Дюрброу потребовал, чтобы я написала подробный отчет обо всем, что видела и слышала в Одессе. Как и в предыдущих случаях, я отклонила его требование, сославшись на то, что была в отпуске и поэтому не буду писать о том, как его проводила и что видела в Одессе.

Некоторые сотрудники посольства проявляют особое рвение в этом деле. Например, бывшая и. о. начальника Бюро информации Элизабет Иган с разрешения руководства посольства лихорадочно заводила знакомства среди советских граждан и все мельчайшие разговоры с ними на всевозможные темы подробно записывала и представляла руководству посольства в виде разведывательных меморандумов. Этим самым она заслужила большое расположение руководства посольства.

Между прочим, возвратившись в США, Элизабет Иган начала печатать клеветнические статьи о советском народе в различных американских реакционных изданиях. В бульварном журнале «Коронет» она поместила большую статью

под «захватывающим» заглавием — «Русские мужчины, которых я знала». В своих статьях, в частности в упомянутой выше, она поместила клеветнические измышления о советской действительности и о советских людях. Она выдумывала различные романы, которые у нее якобы были с русскими мужчинами, и «факты», которые ей стали известны в результате этих романов.

Наряду с клеветническими измышлениями о русских мужчинах, Иган допускает ряд циничных выпадов против героических советских женщин, издеваясь над тем, как одевались славные москвички и ленинградки в самые тяжелые годы войны, когда они, являясь боевыми подругами своих ушедших на фронт мужей, женихов и сыновей, не только заменяли их на трудовых постах, но и принимали непосредственное участие в боевых операциях Красной Армии.

Нужно быть вконец морально растленным человеком, чтобы в иронических, издевательских тонах описывать замечательных советских женщин.

Говоря о разведывательной деятельности сотрудников американских дипломатических представительств, нужно подчеркнуть, что, несмотря на ряд серьезнейших провалов в шпионской работе американских разведчиков на территории Советского Союза, несмотря на аресты агентов американской шпионской службы и высылку в последнее время из СССР кадровых разведчиков, прикрывавших свою деятельность дипломатическими паспортами и корреспондентскими билетами, шпионская работа представителей американской разведки в СССР не ослабевает.

Реакционная правящая верхушка США через своих приказчиков в госдепартаменте и генеральном штабе вооруженных сил оказывает все усиливающееся давление на представителей своей разведки в Москве, требуя активизации их шпионской работы. Скомпрометированных и высланных разведчиков заменяют другими, и шпионская деятельность продолжается.

Можно проиллюстрировать методы работы кадровых разведчиков американского посольства и военного атташата на примерах оскандалившихся за последнее время горе-шпионов.

Особой активностью на поприще разведывательной работы отличался кадровый разведчик Джордж Руллард, ра-

ботавший в Советском Союзе в качестве помощника американского военно-морского атташе.

В первые годы второй мировой войны Руллард работал в Архангельске, возглавляя американское военно-морское представительство. В его официальные функции входило содействие советским властям в получении грузов, шедших из Америки в порядке ленд-лиза. Нужно подчеркнуть, что это было лишь его подсобным занятием. Главная же цель пребывания Рулларда в Архангельске — сбор секретной военной информации.

По приезде в Архангельск Руллард рьяно принялся за выполнение указаний своего начальства.

В 1943 году Рулларда назначили на самостоятельную работу — помощником военно-морского атташе при американском генеральном консульстве во Владивостоке. Это назначение было для Рулларда повышением, так как Советский Дальний Восток представлял огромный интерес для американской разведывательной службы, особенно если принять во внимание тихоокеанский театр военных действий.

Руллард добился в Москве, чтобы вместе с ним во Владивосток была послана Ирина Матусис, работавшая у него переводчицей в Архангельске. Руллард не без основания настоял на переводе Матусис из Архангельска во Владивосток, так как она была им завербована для шпионской работы и являлась его правой рукой.

Если в Архангельске Руллард проявлял некоторую осторожность, стремился приглядеться и освоиться с советскими условиями, то во Владивостоке, имея уже определенный опыт, он пытался широко развернуть свою разведывательную деятельность. Как и в Архангельске, ему в этом активно помогала Матусис, которую он устроил переводчицей в американском консульстве.

По заданию Рулларда Матусис заводила связи среди военнослужащих Красной Армии, работников порта, капитанов советских пароходов и т. п. Она подыскивала интересных для Рулларда людей и знакомила его с ними.

Сотрудники военно-морского атташата в Москве очень часто ставили Рулларда в пример, как способного разведчика, умевшего прикидываться внешне лойяльным к Советскому Союзу, располагать к себе своих знакомых — совет-

ских граждан — и в непринужденной беседе за стаканом вина выпытывать у них секретные сведения.

Рулларду удавалось иногда ловко запутывать неопытных людей в шпионские сети.

Для достижения своих целей Руллард не брезговал прибегать к шантажу и запугиванию тех своих знакомых, которые, распознав в нем разведчика, противились их использованию в качестве шпионов.

Как мне известно, работа Рулларда во Владивостоке получила хороший отзыв от посольского начальства.

Как я уже отмечала, Ирина Матусис была его ближайшей помощницей по шпионской работе. По примеру своего шефа Матусис постоянно вращалась в среде советских граждан, обзаводилась личными «друзьями», не скупилась на угощения и разного рода мелкие подарки.

Приступив во Владивостоке к активной разведывательной работе, Матусис увидела, что советские органы государственной безопасности следят за ней. Будучи обеспокоена установленным за ней наблюдением и поняв, что она может провалиться, Матусис начала принимать меры к отъезду в Америку.

Но было уже поздно. В 1947 г. советские органы государственной безопасности своевременно арестовали Матусис и ликвидировали шпионское гнездо, созданное Руллардом во Владивостоке.

Это обстоятельство вызвало небывалый переполох в посольстве, особенно в военно-морском атташате, потому что американцы боялись разоблачения разведывательной деятельности посольства США в Москве.

Однако этот серьезный провал в работе американской военно-морской разведки против Советского Союза не отбил охоту у разведчиков из посольства и военно-морского атташата заниматься своими неблаговидными делами.

Другой «восходящей звездой» американской разведывательной службы в Советском Союзе был кадровый офицер военно-морской разведки, помощник военно-морского атташе Роберт Дрейер. Свои разведывательные способности он развернул в Одессе, где в 1946—1947 гг. работал при американском военно-морском представительстве.

Дрейер жаловался на трудности ведения разведывательной работы в Одессе, так как советские органы усиленно

следили за ним и не давали как следует наладить шпионскую работу.

В особую заслугу Дрейеру ставилось приобретение одного шпиона, работавшего сотрудником одесской таможни и имевшего по условиям своей работы официальную связь с американскими представителями.

От моих друзей в посольстве я узнала, что Дрейер пойман с поличным, и поняла, что речь идет именно об этом шпионе, завербованном Дрейером в Одессе и приезжавшем в Москву для передачи ему шпионских материалов.

Советскому читателю уже известно о высылке из Советского Союза за шпионаж американского корреспондента Роберта Магидова. Я хочу здесь отметить лишь то, что мне известно о деятельности Магидова, поскольку он бывал частым «гостем» в посольстве и хорошо известен всем американцам.

Роберт Магидов долгие годы жил в Советском Союзе, хорошо изучил страну и русский язык. Он женился на русской женщине и таким образом обзавелся здесь родственными связями.

В американском посольстве Магидов слыл хорошо информированным человеком. Он был полезен и ценен для посольства, так как систематически передавал разные сведения о Советском Союзе.

В посольстве о нем говорили, как о ловком человеке, которому удается всюду проникать и получать информацию благодаря тому, что у своих русских знакомых он всегда старался создавать впечатление лойяльного и даже дружески настроенного к СССР человека.

В действительности Магидов никогда другом Советского Союза не был. Он маскировал свои взгляды с целью сблизиться с советскими людьми и выпытать те или другие шпионские сведения.

Я считаю, что американские разведчики, действующие под прикрытием издательства «Мак Гроу-Хилл», не случайно остановили свой выбор на Магидове и поручали ему собирать шпионскую информацию о Советском Союзе. Американским разведывательным органам было известно, что Магидов хорошо знаком с советскими условиями и имеет опыт шпионской работы.

Магидов приложил немало усилий, чтобы выполнить задания американской разведки. Постоянно шатаясь по городу, стремясь проникнуть в советские научные учреждения, пытаясь познакомиться с советскими учеными, работающими в области новых научных исследований, Магидов собирал и передавал в посольство малейшие данные, которые становились ему известными.

Связь с американскими разведывательными органами Магидов, как правило, осуществлял через дипломатическую почту посольства. Я помню, как несколько раз, когда я являлась ответственным дежурным по посольству, Магидов сдавал в комнату дипломатической почты свои пакеты для отправки в США. Посольство, таким образом, потворствовало и помогало Магидову в его шпионской работе, грубо нарушая дипломатические привилегии.

Я нисколько не удивилась, узнав, что советские власти решили положить конец этому скандальному делу.

ГЛАВА V

ИНФОРМАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ СЛУЖБА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

В июне 1942 г. в США, помимо Управления стратегических служб (УСС), было создано Бюро военной информации (БВИ). Эти организации выполняли различные функции, однако были тесно связаны между собой.

Хотя формально Бюро военной информации и являлось чисто пропагандистским органом, в действительности оно также выполняло разведывательные функции.

Официальной задачей БВИ во время войны являлось ведение пропаганды и распространение информации и дезинформации в США и на территории союзников, нейтральных стран и стран противников.

Руководителем Бюро военной информации был назначен журналист и радиокомментатор Элмер Дэвис.

При БВИ был создан специальный комитет по вопросам военной информации, состоявший из представителей государственного департамента, военного и военно-морского министерств и ряда других учреждений.

Разведывательную и пропагандистскую деятельность в других странах Бюро военной информации осуществляло через свои официальные филиалы и представителей печати в союзных и нейтральных странах.

Кроме разведывательной и пропагандистской деятельности в США и за границей, БВИ занималось цензурой внутри США, а также играло роль своего рода официального информационного бюро американского правительства, через которое оно выпускало официальные коммюнике и сообщения.

При всех американских посольствах за границей были организованы филиалы Бюро военной информации. В Москве при американском посольстве также был создан филиал БВИ. Под видом распространения американских

печатных изданий и кинофильмов сотрудники этого филиала вели активную разведывательную работу. Под флагом пропагандистской и культурной работы они заводили знакомства среди советских граждан и выпытывали у них различные интересующие разведку сведения.

После войны Бюро военной информации, так же как и частично Управление стратегических служб, перешло в аппарат государственного департамента, где было создано Управление информации и культуры. В соответствии с этой реорганизацией Бюро военной информации посольства также подверглось некоторой перестройке. Было создано Бюро информации посольства, подчиняющееся в своей работе Управлению информации и культуры государственного департамента.

Бюро информации посольства, официально занимающееся распространением американской пропаганды в Советском Союзе, — тот отдел американского посольства в Москве, с которым я лучше всего знакома. Контора Бюро информации помещается в Москве, на улице Веснина, а его деятельность направляется американским посольством.

Около двух с половиной лет я работала в системе информационной службы США. На протяжении этого времени я занималась административной и другой ответственной работой и, естественно, хорошо познакомилась со всеми сторонами деятельности этой организации, равно как и с ее программой.

Двумя основными каналами официальной американской пропаганды в Советском Союзе являются журнал «Америка», выходящий на русском языке, и радиопрограммы на русском языке, передаваемые из США под названием «Голос Америки».

Пропагандистские материалы для использования по этим каналам составляются главным образом в Вашингтоне и Нью-Йорке крупной организацией, в состав которой входят многие русские белогвардейцы.

Кстати сказать, «Голос Америки» не только привлекает русских белогвардейцев для работы в качестве дикторов, но и активно использует их в качестве экспертов по России, в качестве консультантов по содержанию передач. Нетрудно понять, какую консультацию получает «Голос Америки» от этих «экспертов», специализирующихся на систе-

матических грязных провокациях против советского народа. «Голос Америки» не понимает, в какое смешное положение он попадает, ежедневно загрязняя эфир гнусной стряпней своих белогвардейских консультантов.

Характерно, что к услугам этих подлых провокаторс прибегает не только отдел государственного департамент ведающий радиопередачами «Голос Америки». Известн что и руководящие члены антисоветской клики государ ственного департамента поддерживают тесную связь с представителями белогвардейских организаций в Америке.

В свете этих данных весьма симптоматично выглядит факт досрочного освобождения из тюрьмы в 1947 г. некоего Вонсяцкого — главаря русских фашистов в США, — присужденного в 1942 г. федеральным судом к длительному тюремному заключению за шпионаж в пользу Германии и Японии.

Небезинтересно отметить, что член антисоветской клики государственного департамента Фрэнсис Стивенс женат на русской белоэмигрантке. Известно, что жена Стивенса устроила свою близкую подругу Ксению Барнс, являющуюся также белоэмигранткой, на работу в государственный департамент, который не преминул со всей поспешностью направить ее вместе с мужем на работу в американское посольство в Москву.

Ксения Барнс работала в посольстве одновременно со мной и являлась фактической представительницей белогвардейских кругов США в американском посольстве в Москве. Она была настроена резко антисоветски и не только сильно влияла на своего мужа, работавшего начальником экономического отдела посольства, но и рьяно выполняла задания государственного департамента по антисоветской обработке других сотрудников посольства.

Будучи еще в Москве, Ксения Барнс рассказывала мне, что ее мать живет под Нью-Йорком на ферме Рид-Фарм вместе с бывшей графиней Толстой. Сама Барнс была также очень близка с Толстой: она была с ней связана по антисоветской провокационной деятельности. Прошлое Ксении Барнс не лишено пикантности. Она — бывшая шансонетка одного из одесских кабачков, удравшая за границу во время гражданской войны.

Нельзя отказать госдепартаменту в «широте взглядов» при комплектовании кадров «консультантов по советским делам»: рядом подвизаются бывшая графиня, опозорившая имя своего великого отца, и бывшая шансонетка одесского притона.

Помимо провокационной деятельности в качестве «консультантов» американской дипломатической службы, русские белогвардейцы в Америке, находящиеся на содержании американских властей, выполняют еще одну не менее отвратительную функцию — они посредничают в антисоветской обработке и вывозе в страны Северной и Южной Америки дешевой рабочей силы под видом так называемых перемещенных лиц из числа советских граждан, насильственно задерживаемых за границей, т. е. фактически помогают американским реакционерам заниматься работорговлей.

«Красноречие» официальных руководителей американской дипломатии не в состоянии скрыть фактического положения вещей. За их лицемерными речами скрываются поддержка и активное использование в антисоветских целях ничтожной кучки отщепенцев, предавших свою родину и выброшенных вон за ее пределы.

Этими комментариями к «кадрам» «Голоса Америки» я отвлеклась немного от основного вопроса.

Московская контора информационной службы США играет важную роль в определении общей политической линии американской пропаганды, в сборе откликов об эффективности журнала и радиопрограммы, а также в распространении журнала «Америка».

Правда, контора информационной службы США в Москве имеет и другие функции. Бюро информации осуществляет программу так называемых «культурных отношений» с помощью кинокартин, граммофонных пластинок с записями известных американских джаз-оркестров, образцов американского «искусства» и т. д.

Большая часть этих довольно ценных вещей, за которые американские налогоплательщики внесли свои деньги, перешла в частную собственность, т. е. пополнила частные коллекции сотрудников посольства, и совершенно не участвовала в каких бы то ни было «культурных отношениях». То же самое относится к денежным фондам, которые в свое время широко расходовались на различные приемы.

Вообще, необходимо подчеркнуть, что информационная служба США, в частности Бюро информации в Москве, чрезвычайно широко транжирит государственные деньги. Дорогостоящие книги и оборудование бесследно исчезали, и, когда проводилась инвентаризация и выявлялись многочисленные пропажи, все эти факты были замяты, чтобы избежать публичного скандала. Хотя многое, о чем я здесь пишу, происходило до того, как я стала работать в Бюро информации, и хотя мне удалось в какой-то степени сократить эти хищения, у меня есть основание считать, что подобное безобразие происходит и поныне.

Огромные деньги тратятся на издание журнала «Америка», который печатается на лучшей журнальной бумаге от обложки до обложки и заполнен цветными изображениями и красочными фотографиями. Это делается по настоянию посольства, которое хочет, чтобы журнал был «роскошным», дабы производить впечатление на «наивных советских граждан», которые, читая журнал, должны ощущать реальность американского «богатства».

Хозяева американской пропаганды создают ложное впечатление о том, что журнал якобы сам себя окупает. Это делается довольно просто: в стоимость издания журнала не включают жалования редакторов, писателей и других лиц, участвующих в издании. Жалование выплачивается правительством независимо от других расходов по журналу.

Штаты Бюро информации посольства в Москве чрезвычайно раздуты. Высокооплачиваемые атташе лишь номинально числятся в этой организации, а по существу почти ничего не делают, если не считать того, что они занимаются своими личными делами и интригами и мешают работе подчиненного персонала, который фактически ведет всю работу. Правда, эти лица имеют кое-какие свои собственные «функции», о которых я скажу несколько позже, но они не делают ничего полезного по линии своей работы в качестве представителей информационной службы США.

Эта расточительность с точки зрения американского народа ничем не может быть оправдана.

Американское посольство в Москве даже не знает, читает ли кто-нибудь 50 тыс. экземпляров журнала «Америка», которые оно распространяет ежемесячно. Так же, как и

хищение собственности посольства, судьба журнала является тщательно замаскированным фактом. Этот факт скрывают от американского народа, который фактически оплачивает своими кровными деньгами всю эту программу.

В посольстве прекрасно знают, но тщательно скрывают от общественного мнения США тот факт, что журнал «Америка» не читается широкими массами Советского Союза и что те лица, которые читают этот журнал, высказывают свое пренебрежение к нему.

Статьи журнала «Америка» рассчитаны на весьма наивных людей. Журнал преподносит читателям Америку, завернутую в целлофан и герметически запечатанную; Америку, где фермеры никогда не пачкают своих рук, а промышленные рабочие посылают поздравления своим директорам, когда последние объявляют о том, что их доходы составляют 50% от капиталовложений; Америку, где каждый живет в 15-комнатном доме и получает 20 тыс. долларов в год в качестве подарка за безделье, не платя при этом налогов.

Этот журнал не может обмануть советских читателей так же как не может и нравиться им. Русские не любят, когда их нагло обманывают.

При этих обстоятельствах в американском посольстве считается первостепенным событием, когда удается обнаружить какого-нибудь советского гражданина, который прочитал номер журнала «Америка» или хотя бы видел этот журнал. Если сотрудник посольства — американец, путешествуя по какой-нибудь области Советского Союза, встречает русского, прочитавшего журнал «Америка», то это уже является поводом для составления большого письменного отчета посольству и специальной телеграммы государственному секретарю для конфиденциального показа членам конгресса и для заключения, что журнал «Америка» пользуется огромным успехом именно в том районе, где произошла встреча с этим необыкновенным советским гражданином.

Мне известно много случаев, когда сотрудников посольства посылали в командировку в отдаленные районы только с целью сбора подобной информации. Большинство из них считали себя счастливыми, если где-нибудь между

Москвой и Владивостоком они встречали хотя бы одного советского гражданина, читавшего журнал «Америка». Подобная «информация» представляет ценность для посольства, поскольку она используется для получения дополнительных средств в целях продолжения этого наглого обмана.

Я помню, как в посольстве была вызвана огромная сенсация сообщением о том, что несколько экземпляров журнала «Америка» было якобы похищено из Бюро информации на улице Веснина и продано на «черном рынке». Была отправлена срочная секретная телеграмма в государственный департамент с предложением сообщить об этом «крупнейшем событии» членам конгресса. Это событие было представлено как иллюстрация «огромного» спроса на журнал «Америка», в то время как этот факт лишь свидетельствовал о некоторой потребности в почти бесплатной бумаге, которую можно было использовать для самых различных целей и которая фактически так и использовалась.

Департаменту было сообщено, что похищенные журналы «нелегально продавались за огромную цену», что, конечно, никак не соответствовало действительности. На самом деле журналы, о которых шла речь, преднамеренно были оставлены сотрудником Бюро информации на открытом месте с тем, чтобы их унесли.

Другой трюк заключался в том, что по всей Москве в мусорные ящики выбрасывали много экземпляров журнала «Америка» в надежде на то, что чистильщики улиц и уборщицы подберут эти журналы и будут показывать их своим знакомым.

Сотрудникам посольства поручалось ездить по Москве в автобусах, трамваях и метро и «забывать» там экземпляры журнала «Америка» на сиденьях, где их могла бы подобрать «жаждущая публика».

На многих скамейках в парках Москвы оставлялось по несколько экземпляров этого «гениального» произведения государственного департамента. Сотрудникам посольства — американцам, отправлявшимся в путешествие по Советскому Союзу, вручалось по несколько сот экземпляров журнала «Америка» с указанием оставлять их в станционных буфетах.

Если редактор журнала вдруг получает письмо от советского читателя, то это уже является поводом для срочного посещения посла руководителем Бюро информации. Это особенно относится к тем крайне редким случаям, когда прибывает письмо с одобрением той или иной статьи журнала. Подобные письма приходят столь редко, что время от времени, как мне известно, некоторые сотрудники Бюро информации за определенную мзду сами пишут эти письма, подписывают их псевдонимами и почтой направляют на улицу Веснина. Таким образом, американское правительство за счет налогоплательщиков само оплачивает письма, содержащие похвалу журналу.

Таким же образом собираются «отклики» советских слушателей по поводу радиовещательной программы «Голос Америки».

Даже наиболее оптимистически настроенные руководители посольства не верят в действенность журнала «Америка». Однако на радиопрограмму «Голос Америки» всей руководящей кликой посольства возлагались очень большие надежды. Так высоко расценивались возможности радиовещания, что Чарлз Болен — специальный помощник государственного секретаря и один из руководителей антисоветской клики государственного департамента — устроил назначение своего шурина Тейера руководителем американского радиовещания на Россию.

В воображении этих «экспертов» по русским делам «Голос Америки» должен был стать ежевечерней колыбельной песней для миллионов русских семей. Программы передач должны были «продавать» американскую «культуру» и внешнюю политику советскому народу таким же образом, как внутреннее радиовещание продает мыло американскому народу.

Но государственный департамент не учел коренного отличия советских радиослушателей от радиослушателей США.

Американский радиослушатель, услышав программу, рекламирующую мыло, переключается на другую станцию, однако другая станция также рекламирует мыло. Известно, что все американские радиопрограммы рекламируют либо мыло, либо прохладительные напитки, либо сигареты и другие подобные вещи. Таким образом, радиослушатели не имеют никакого выбора.

В Советском Союзе, однако, всегда можно выключить американскую программу, передаваемую «Голосом Америки», и включить оперетту, концерт, лекцию, программу новостей, пьесу и т. п.

Какой же нормальный человек будет слушать наивную и низкосортную американскую пропаганду, передаваемую на «античном» русском языке? Кому же захочется их слушать в то время, когда можно послушать концерт любимых артистов?

Всем ясно, что «Голос Америки» не пользуется никаким успехом в Советском Союзе и почти никто его не слушает, хотя любой человек может купить радиоприемник и свободно слушать эту программу столько, сколько он захочет.

Посольство, конечно, знает об этом, однако это обстоятельство также тщательно скрывается от общественного мнения США. Представители государственного департамента «по секрету» сообщают членам конгресса, что американские радиопрограммы якобы весьма популярны в СССР и что во всех районах страны советские люди слушают эту программу.

Конечно, совершенно справедливо, что программа официальной пропаганды американского правительства, направляемой в СССР, имеет ряд абсурдных сторон и сводится к пустой трате денег. Однако было бы ошибкой сделать на основании этих фактов вывод о том, что этот вопрос не имеет более серьезного значения.

Программа информационной службы является частью официальной политики правительства США по отношению к СССР, орудием его борьбы против Советского Союза и его народа и направляется теми же людьми из государственного департамента и других организаций, которые контролируют весь комплекс официальных американских отношений с Россией.

Поэтому даже на таком сравнительно небольшом участке из общей сферы деятельности государственного департамента можно рассмотреть американскую официальную политику в том виде, в каком она планируется и осуществляется чиновниками государственного департамента и американского посольства в Москве.

Для осуществления своей основной задачи радиопередачи умышленно составляются так, чтобы они пропагандиро-

вали ложные картины и концепции о жизни в Америке и внушали советским слушателям, что только при капитализме возможен такой «рай на земле».

«Голос Америки» передает, например, интервью с американским рабочим, который рассказывает, что у него есть новый дом из 5 комнат. При этом он не говорит о том, что этот дом заложен на 90% стоимости, что этот залог нужно будет выплачивать в течение 30 лет, что если за это время рабочий потеряет работу, то он лишится дома и всего, что в нем есть, и будет выброшен на улицу. Он не рассказывает также о миллионах американских рабочих, выплачивающих за квартиру от 30 до 40% их годового дохода и во многих случаях живущих в трущобах. Нищету таких рабочих советским людям даже трудно себе представить. Рабочий говорит, что у него есть новый автомобиль марки «форд». Однако он не рассказывает, что купил эту машину в рассрочку и что когда он потеряет работу, то лишится машины и всех внесенных за нее денег. Он не говорит о том, что у подавляющего большинства американских рабочих нет новых автомобилей «форд».

Короче говоря, «интервью», передаваемое через «Голос Америки», искажает и приукрашивает жизнь в Америке. Радиопередачи госдепартамента показывают такую Америку, которая в действительности никогда не существовала и не может существовать при капитализме.

Столь же искаженную картину американской действительности преподносит читателям журнал «Америка». В статьях, публикуемых в этом журнале, описывается спокойная и беззаботная жизнь в окружении самых изящных предметов роскоши.

Радиопередачи «Голос Америки» умышленно рисуют ложную картину американской внешней политики. Государственный департамент в них изображается в качестве ангела мира, постоянно встречающего отпор со стороны «воинственного» Советского Союза.

Конечно, даже отъявленные лгуны, обслуживающие программу американской пропаганды, убедились в том, что трудно объяснить, почему правительство Соединенных Штатов так противится тому, чтобы сесть за круглый стол вместе с советским правительством и уладить американо-советские разногласия. Трудно также объяснить остальные

черты американской текущей внешней политики, любой агрессивный факт которой говорит больше, чем миллионы вкрадчивых слов.

Фактически даже наиболее оптимистически настроенные американские чиновники, по инициативе которых возникли эти «искусные» программы, не верят тому, что они располагают какой-либо возможностью убедить людей Советского Союза в «миролюбивости» нынешней американской внешней политики или в том, что капитализм лучше социализма.

Они сознают, что советские граждане настроены патриотически, лойяльно и, что самое главное, являются политически грамотными людьми, что они верят в свое правительство и в социализм. Они понимают, что подавляющее большинство населения СССР совершенно не поддается американской пропаганде и ни в малейшей степени не введено в заблуждение ее неизбежно наивной «линией».

И все же они содержат Бюро информационной службы в Москве, главным образом, не столько для пропаганды, сколько для ведения разведывательной работы.

Не случайно большинство руководящих сотрудников Бюро информационной службы США в Москве имеет подготовку в области разведывательной работы.

Джозеф Филлипс, возглавлявший это Бюро, когда послом был Гарриман (в то время Бюро было известно под названием «Отдел военной информации посольства»), окончил военную академию в Вест-Пойнте, был кадровым офицером, «вышедшим впоследствии в отставку», занимался журналистской работой в Советском Союзе, Италии и других государствах в тридцатых годах и возвратился во время войны на службу в армию в звании полковника. Филлипс почти открыто поддерживал тесные связи с военными кругами на протяжении всей своей деятельности. Конечно, хорошо известно, что «числящиеся в отставке» армейские и морские офицеры часто оказываются крупными агентами американской разведки. Вполне возможно, что Филлипс принадлежал к этой категории людей.

Элизабет Иган, после отъезда Филлипса в течение долгого времени руководившая Бюро информационной службы, действовала исключительно активно, пытаясь установить контакт с русскими людьми. Завязывая «любовные

интриги» с русскими, она выуживала у них информацию, которую затем сообщала определенным лицам из посольства.

После Иган Бюро информационной службы возглавлял Арманд Уиллис. Он уехал из Москвы в начале 1947 г. Уиллис изучал русский язык в морской разведывательной школе в г. Баулдер (штат Колорадо).

Меннинг Вильямс, работавший в качестве помощника начальника Бюро информационной службы, обучался в той же школе. Он вынужден был уехать в 1947 г. после скандала по «делу Уиллиса».

Джозеф Хэнсон, заменивший Вильямса, одно время был связан с Управлением стратегических служб.

Мелвилл Рэгглс, сменивший Арманда Уиллиса и до последнего времени возглавлявший Бюро, был направлен американской разведкой для «закупки советских книг».

Таким образом, видно, что все лица, занимавшие руководящее положение в Бюро информационной службы США со времени учреждения его в Москве, принимали участие в разведывательной деятельности или, по крайней мере, обучались разведывательной работе. Конечно, с точки зрения характера программы информационной службы Соединенных Штатов это не удивительно, но во всяком случае это является яркой иллюстрацией к идее правительства Соединенных Штатов о «культурных связях» между Соединенными Штатами и Советским Союзом, даже в тот период, когда эти два государства были союзниками в объединенных военных усилиях против Гитлера.

Я уже указывала на то, что такие перечисленные выше лица, как Уиллис и Вильямс, «не разбирались достаточно хорошо в своих задачах», и от них вынуждены были отделаться. Остается фактом, что они были избраны, очевидно, благодаря их квалификации, включая знание разведывательной работы. То обстоятельство, что дело с ними не выгорело, указывает лишь на то, что лица, избравшие их, допустили ошибки, которые были, однако, быстро исправлены.

Я также отмечала, что упомянутые мной лица участвовали в выполнении приказов, исходивших от высокопоставленных лиц. Высокопоставленные лица также тесно связаны с разведывательной работой и разведывательными служба-

ми. Джон Дэвиз, Дюрброу, Тейер и Аллен сами являются разведчиками и тесно связаны с другими разведчиками. Американская дипломатическая служба в целом является разведывательной организацией.

Работая в Бюро информации и в государственном департаменте в Вашингтоне, я обсуждала вопросы о функциях передач «Голос Америки» и журнала «Америка» со многими из наиболее важных лиц, участвовавших в составлении программы пропаганды, среди которых были Дюрброу и Дэвиз. Я видела, как редактировался материал, и видела комментарии по поводу работы Бюро информационной службы Соединенных Штатов, направляемые из Москвы в государственный департамент. Я видела, насколько тесной была связь между американским шпионажем и радиопередачами «Голос Америки». И не только я. Арманд Уиллис сделал заявление, в котором он указывал не только на факты, приведенные мною.

Случай с Армандом Уиллисом проливает свет на цели и методы работы чиновников посольства в Москве и государственного департамента, в ведении которых находятся передачи «Голос Америки» и журнал «Америка».

Уиллис, направленный государственным департаментом в Москву в 1946 г. в качестве начальника Бюро информации посольства США, наивно считал, что он послан сюда для того, чтобы действительно содействовать укреплению культурных связей и отношений между советским и американским народами.

Конечно, сейчас трудно понять, каким образом Уиллис мог неправильно представить себе поставленные перед ним задачи, как он мог предполагать, что ему разрешат выполнять свои задачи так, как он их понимал, как, короче говоря, он мог прибыть сюда без соответствующей политической подготовки и без точных инструкций. Единственно возможный вывод сводится к тому, что кто-то в государственном департаменте допустил серьезную ошибку, вызвавшую целый переполох в посольстве. Тогда-то и обнаружилась истинная политика руководителей посольства. В результате Уиллис был уволен и отправлен домой.

Повидимому, Уиллиса избрали для пропагандистской работы потому, что полагали, что он как бывший морской офицер, обучавшийся русскому языку в морской разведы-

вательной школе, окажется дисциплинированным как в выполнении директив посольства по руководству деятельностью информационной службы США, так и в отношении разведывательных аспектов этой работы.

Однако Уиллис, хотя и имеющий консервативные политические взгляды, но обладающий независимым складом ума, отказался направить свою деятельность по линии раскола американо-советской дружбы, как этого от него ожидали. С точки зрения своей дальнейшей карьеры он совершил чрезвычайно серьезную ошибку, поверив публичным заявлениям представителей государственного департамента о том, что они стремятся к взаимопониманию и укреплению культурных связей между Россией и Америкой. Он считал эти официальные заявления более авторитетными, чем директивы, полученные им от руководителей американского посольства в Москве (директивы, конечно, абсолютно противоположные «дружественным» публичным заявлениям). Он не понял, что эти заявления были лишь дымовой завесой, скрывавшей от американского народа подготовку к проведению агрессивной антисоветской политики.

Посольство, несомненно, было не в состоянии понять эту «абсурдную наивность» Уиллиса и терпимо относиться к ней.

Прежде всего постарались подорвать положение Уиллиса в посольстве, восстанавливая против него его подчиненных и мешая ему осуществлять руководство конторой в Москве. Затем приступили к «организации» его «перевода» в кратчайший срок из Москвы.

Уиллис видел, что происходит вокруг него. Он не принадлежал ни к числу кротких людей, ни к разряду трусов и боролся, отдавая этой борьбе все свои силы.

Когда в посольстве объявили ему о переводе в Будапешт, он понял, что его отправляют из Москвы в более спокойное место, где его можно уволить, не рискуя скандалом. Вместо того чтобы отправиться по месту назначения, он отказался от работы в государственном департаменте и до своего отъезда из Москвы передал одному из американских корреспондентов заявление, содержащее резкую критику по адресу руководителей посольства. В этом заявлении указывалось, что профессиональные дипломаты из числа сотрудников посольства строят карьеру на своих «антисоветских чувствах» и «ненависти к России».

В этот период государственный департамент, как это хорошо известно, приложил много усилий к тому, чтобы предотвратить распространение в широких масштабах заявления Уиллиса. Был также пущен в ход соответствующий механизм для того, чтобы оклеветать его.

Посол Смит занял позицию, согласно которой получалось, что перевод Уиллиса был вызван тем, что «он оказался недостаточно квалифицированным для своей работы» Это заявление было по меньшей мере странным, поскольк Уиллису фактически так и не предоставили возможност приступить к своей работе.

Смит пытался публично высмеять инцидент с Уиллисом. Чиновники посольства в частных беседах высказывали мнение, что Уиллис — «коммунист», и распространяли этот слух среди многочисленных корреспондентов, прибывших в Москву на происходившую в то время сессию Совета министров иностранных дел.

Наряду с этим, посольство «в отместку» предприняло меры к занесению Уиллиса в черный список, чтобы он никогда не смог больше получить работу в правительственных учреждениях США. Руководители посольства открыто признавали в конфиденциальных беседах со мною и другими лицами, что эти меры были ими предприняты, чтобы напугать других, возможно, имеющихся уиллисов.

Я лично хорошо знакома с делом Уиллиса, поскольку в то время уже работала в Бюро информации и посольстве и, согласно указаниям, ежедневно дававшимся мне первым секретарем посольства Джоном Дэвизом, могла проследить, как осуществлялось руководство Бюро без ведома Уиллиса. Я была также свидетельницей того, как Дэвиз на протяжении многих месяцев посвящал большую часть своей энергии предательским попыткам «поймать Уиллиса на месте преступления» и очернить его репутацию.

Я неоднократно подвергалась тщательному допросу со стороны Дэвиза в отношении деятельности Уиллиса в Бюро информации, его личной жизни и политических взглядов. Аналогичным допросам подвергались и другие служащие Бюро.

По вопросам Дэвиза чувствовалось, что он работал в нескольких направлениях. Во-первых, он стремился получить данные, свидетельствующие о том, что Уиллис —

«ленивый и плохой работник». Во-вторых, пытался собрать материалы, которые позволили бы ему доложить руководителям посольства о том, что Уиллис настроен прокоммунистически или что он является коммунистом. Наконец, он прибегнул к тактике, обычно присущей людям с его складом ума, пытаясь добиться, чтобы кто-нибудь подтвердил, что Уиллис либо является гомосексуалистом, либо замешан в тайных половых связях с сотрудницами посольства. Но это являлось абсолютно безнадежной попыткой, обреченной на полный провал, так как Уиллис жил нормальной семейной жизнью, что было совершенно очевидно для каждого.

В конце концов, Дэвиз натолкнулся на отчет, написанный Уиллисом по поводу его поездки в Киев. В этом очерке Уиллис точно описывал все, что он видел во время этой поездки. Он ничего не добавлял к увиденному и услышанному им во время посещения колхоза и интервью с различными выдающимися людьми в Киеве. Этот отчет сыграл роль красного цвета для быка и привел Дэвиза в ярость, так как он всегда настаивал на необходимости «интерпретировать» каждый отчет — конечно, в антисоветском духе — до отправки его в государственный департамент. С помощью нескольких низкопоклонничающих перед ним «экспертов» из числа сотрудников посольства Дэвиз оклеветал и опорочил этот отчет, охарактеризовав его как некомпетентный и просоветский. Этот трюк явно сыграл первостепенную роль в организации перевода Уиллиса на другую работу.

Прямой и косвенный нажим был оказан также на Меннинга Вильямса, являвшегося помощником Уиллиса по работе в Бюро. Вильямсу неоднократно вежливо, а иногда не так уж вежливо, намекали на то, что если бы он представил сведения, которые могли бы быть использованы против Уиллиса, то он мог бы ожидать назначения на должность последнего после его перевода на другую работу.

Вильямс допустил ошибку, попытавшись сохранить нейтралитет. В результате этого он, так же как и Уиллис, был уволен и упустил возможность сделать «прекрасную карьеру» в государственном департаменте.

Я лично не любила Арманда Уиллиса и не принадлежала к числу его друзей. Однако я не могла не восхищаться его храбростью, проявившейся в его заявлении в печати,

которое проливало или могло бы пролить свет на интриги посольства и на источники кампании «ненависти к русским».

Заявление Уиллиса стоило ему карьеры, — ему пришлось искать работу вне правительственных органов для того, чтобы заработать себе на жизнь. Так он поплатился за свою попытку скрестить мечи с монополистами государственного департамента по советско-американским делам.

Насколько мне известно, дело Уиллиса — один из самых ярких примеров (свидетелем которых я являлась) грязных интриг и низости, до которых доходит руководство посольства для того, чтобы навязать свои политические установки и ликвидировать расхождение во взглядах в стенах государственного департамента.

Уиллиса заменил человек, назначенный по личному выбору Джона Дэвиза, — Мелвилл Рэгглс, занимавший этот пост до последнего времени.

Рэгглс представляет собой комбинацию бухгалтера и частного сыщика. Он был направлен в Москву для покупки книг по заданию американской разведки и для приобретения всевозможной литературы, в частности технической, которая подлежала затем тщательному просмотру в Вашингтоне с целью сбора разведывательных сведений. Вероятно, наряду с этим перед ним были также поставлены и другие задачи.

Кандидатура Рэгглса являлась идеальной с точки зрения Дэвиза и Дюрброу, так как он не обладает независимым характером, является мелочным карьеристом, который, возможно, не сумел бы найти себе применения помимо государственного департамента и никогда не позволил бы себе сделать что-либо сверх имеющихся у него указаний.

Его уделом было действовать в качестве номинального начальника, никому не мешать и выполнять те приказы, которые Дюрброу сочтет нужным сообщить непосредственно ему. Конечно, за ним сохранялось право вносить предложения. Признавалось, что опыт в области разведывательной работы, возможно, сделает его комментарии полезными.

После изгнания Уиллиса посольство дало выход своей злобе против Вильямса за отказ присоединиться к антиуиллисовской клеветнической кампании. Примерно через

три месяца после отъезда Уиллиса Вильямсу сообщили, что его должность «упраздняется» и что он должен возвратиться в Соединенные Штаты.

Ему не сказали, что как раз в то время, когда его отправляли домой, на его место был назначен другой человек, который должен был выполнять работу, вначале предназначавшуюся Вильямсу. Каким образом могла быть послана «замена» для выполнения «упраздненной» работы — так и осталось тайной. Все, и в том числе сам Вильямс, конечно, сознавали, что это была просто уловка, чтобы освободиться от него.

Вильямс, являвшийся свидетелем того, что произошло с Уиллисом, понял, что его судьба предрешена, и капитулировал. Он выехал из Москвы, не поднимая скандала, и отправился в Германию, где, повидимому, ему была предоставлена работа в аппарате американских военных властей. Таким образом он спас свою карьеру, не поднимая шума. Он хорошо усвоил полученный урок.

Человеком, занявшим место Вильямса, явился Джозеф Хэнсон, близкий друг Рэггласа, работавший ранее в американском посольстве и хорошо известный посольству как человек, от которого нельзя ожидать какого бы то ни было сопротивления.

В конечном итоге, замена Уиллиса Рэггласом и Вильямса Хэнсоном обеспечивала непосредственный и неоспоримый контроль монополистов по русским делам из государственного департамента над Бюро информационной службы посольства.

В действительности Уиллис никогда не являлся преградой для руководства посольства в повседневном контроле над работой Бюро. Приказы посольства доводились непосредственно до подчиненных Уиллиса, причем им предлагалось не обращать внимания на его замечания. Однако даже само присутствие Уиллиса постоянно напоминало посольству об Америке, которую Дюрброу, Дэвиз и К° стремились забыть: об американском народе, в значительной своей части являющемся независимым и формирующем свои убеждения без учета политических устремлений своего правительства; о народе, который, несмотря на наличие в нем многочисленных консервативных элементов, искренне желает дружбы с народом Советского Союза.

Как я уже упоминала, Бюро военной информации посольства, а впоследствии Бюро информации, с начала своей деятельности в Москве всегда было насыщено кадровыми работниками разведки США.

Такими разведчиками были в прошлом полковник Филлипс, Элизабет Иган, Уиллис и до последнего времени — Мелвилл Рэгглс и Джозеф Хэнсон. Джозеф Хэнсон и Рэгглс, между прочим, являются кадровыми сотрудниками Управления стратегических служб и используют свою работу в Бюро информации лишь как прикрытие для активной разведывательной работы.

Еще в 1944 г. Рэгглс в Управлении стратегических служб руководил отделением издательской информации, в котором концентрировались все официальные литературные материалы, относящиеся к Советскому Союзу.

По слухам, циркулировавшим в посольстве, Рэгглс прибыл в Советский Союз, имея специальное задание в области технической разведки.

За время моей работы совместно с Рэгглсом, в качестве его административного помощника в Бюро информации посольства, я убедилась в том, что он использует свою официальную должность для маскировки своей основной работы.

На основании моих наблюдений я могу заявить, что Рэгглс принимал меры к тому, чтобы собрать в Советском Союзе разведывательную информацию для направления в Вашингтон.

Рэгглс, как и все руководящие лица посольства, относится к Советскому Союзу и к советским людям резко враждебно. Я припоминаю, например, что во время одного разговора со мной Рэгглс высказал предположение о том, что между СССР и США возникнет война и что Америка одержит победу. Рэгглс заявил, что в этом случае он не желал бы ничего лучшего, как возвратиться в Советский Союз в качестве «оккупационного мэра» какого-нибудь русского города. Вот тогда он показал бы русским, что он о них думает! Говоря о русских, Рэгглс не стеснялся называть их самыми неприличными словами.

Вот в некоторых штрихах лицо американского разведчика, призванного руководить американской информационной работой в Советском Союзе и налаживать «культурные отношения» между Советским Союзом и США.

В то время как в Москве шли пререкания по поводу Уиллиса, в Вашингтоне велась борьба за контроль над программой американской пропаганды.

Антисоветская клика госдепартамента одержала победу, добившись назначения Чарлза Тейера на пост руководителя радиопередач на русском языке.

Другая победа, причем более серьезная, была одержана, когда Джордж Аллен, выполнявший до этого обязанности американского посла в Иране, был назначен на пост заместителя государственного секретаря США. В его ведение была передана программа информационной службы США во всем мире.

Аллен зарекомендовал себя во время пребывания в Тегеране, составляя телеграммы еще более антисоветские, чем все исходившие в то время из американского посольства в Москве. Проявив свои способности антисоветского дипломата в Тегеране путем личного вмешательства во внутренние дела Ирана, Аллен получил в награду вышеуказанный пост, а Вильям Бентон, занимавший ранее эту должность и не удовлетворявший требованиям дипломатической службы США, был уволен.

Тайные и до некоторой степени личные интриги американского посольства в Москве или определенных группировок в государственном департаменте не являлись бы чем-либо важным и о них не стоило бы говорить, если бы они не имели политического значения, если бы эти интриги не являлись орудием для укрепления власти своевольной и честолюбивой клики, стремящейся к тому, чтобы между СССР и США никогда не существовало мира.

ГЛАВА VI

СПЕКУЛЯНТЫ ИЗ АМЕРИКАНСКОГО ПОСОЛЬСТВА

В Америке, как известно, не существует границы между «бизнесом» и спекуляцией. Купить товар по самой низкой и продать по самой высокой цене законным путем, если возможно, незаконным — если необходимо, честным, когда полезно, путем обмана — когда более выгодно, — все это называется в США не спекуляцией, а «бизнесом» и приносит большой доход. Богатство дает соответствующее общественное положение.

В Америке первостепенную роль играют деньги, независимо от того, каким образом они приобретены. На каждого американца, получившего свои доходы благодаря «честным усилиям» в соответствии с законом, приходится три разбогатевших в результате таких действий, которые в любом другом обществе были бы названы пиратством или бандитизмом.

Общеизвестно, что потомки Джона Рокфеллера, добывшего свое богатство грубым, нечестным, подлым обманом и воровством (чего не могут искупить десятки миллионов долларов, израсходованных в «благотворительных» целях), стоят значительно выше на ступенях социальной иерархии, чем потомки Томаса Эдисона, хотя они не являются бедными людьми. Любого человека в США считают дураком, если он может продать что-нибудь в два раза дороже, чем заплатил сам, но не делает этого.

Спекулятивная деятельность проникает в самый центр правительства. В прошлом году было установлено, что некоторые высокопоставленные лица (включая Вильяма Поули, которого Трумэн намеревался назначить на пост военного министра, и личного врача президента, так же как и сотни других лиц, принадлежавших к «более мелкой сошке») активно спекулировали на зерновом рынке, пользуясь

секретными сведениями о закупках и продаже правительством зерна. Республиканцы критиковали этих лиц, так как приближалось время выборов, но никто из высокопоставленных спекулянтов не подвергся наказанию или какому-либо действительному преследованию за спекулятивную деятельность.

Особенно рьяно занимаются спекуляцией американцы, находящиеся за границей. В самих Соединенных Штатах спекуляция в определенной степени является профессией, и ею занимается относительно небольшой процент населения. Спекулятивная лихорадка за границей, повидимому, захватывает американцев всех возрастов, высших и низших чинов, правительственных работников и служащих частных фирм. Особенно это наблюдалось в Европе во время войны и продолжается теперь.

Одни американцы спекулируют кофе и сигаретами, другие покупают и продают целые фирмы, покупая их за дешевую цену или вовсе ничего не платя. Купленное по дешевке продается за огромные суммы.

Каждый итальянец знает, кто снабжал и снабжает в настоящее время «черный рынок» в Италии. Каждый немец, безусловно, знает, кто использует затруднительное положение и голод в Бизонии, чтобы заставить его продать свои фамильные ценности в обмен на сигареты и кофе; многие австрийцы знают, кто в настоящее время обирает их страну тоже за сигареты, сделанные в Виргинии и Северной Каролине. Американские бизнесмены всех видов, повидимому, охвачены лихорадкой страха: каждый боится того, что если он не украдет сегодня, то завтра украдет какой-нибудь другой американец.

Честные и порядочные американцы, находящиеся за границей и видящие все, что происходит вокруг них, взволнованы и обеспокоены этой ситуацией, но бессильны сделать что-либо.

Лицам, пытающимся помешать этой «деятельности», обычно препятствуют раньше, чем они начинают действовать, их увольняют или переводят куда-либо в другое место. Лица, пытающиеся противостоять этой «системе», нередко кончают тем, что присоединяются к своим соотечественникам-спекулянтам и даже стараются наверстать потерянное время.

Понятно, что в подобной обстановке сотрудники американской дипломатической службы, от высокопоставленных лиц до низших чинов, в большей или меньшей степени также занимаются спекуляцией, и совсем не удивительно, что они пытались завезти эти американские нравы в Советский Союз.

Почти каждый сотрудник американского посольства в Москве в той или иной степени занимается спекуляцией либо путем нелегального импорта советской валюты, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, либо путем ввоза не облагаемых пошлинами товаров: виски, сигарет и других. Эти товары они продают с огромной прибылью.

Некоторые сотрудники американского посольства, занимающиеся спекуляцией в крупных масштабах, возвращаются домой с десятками тысяч долларов, часто в виде ценных произведений искусства (вывезенных благодаря неприкосновенности дипломатических перевозок), а иногда наличными или в виде чеков. Это широко известно каждому сотруднику посольства в Москве. Известно также, что ни один человек никогда не был уволен из государственного департамента за подобную спекуляцию. Конечно, никаким наказаниям не подвергались и крупнейшие дельцы, путешествующие с дипломатическими паспортами.

С таким положением невозможно покончить путем мероприятий внутри американского посольства в Москве, несмотря на формально существующие и периодически оглашаемые суровые правила. Эти правила носят сугубо формальный характер, и никто не ожидает, что в посольстве будет покончено со спекуляцией.

Чем это объясняется?

Один пример будет достаточным для того, чтобы показать, почему спекуляция продолжается в большом масштабе.

В конце 1947 г. в посольстве было проведено расследование с целью выяснить, кто из сотрудников занимался спекуляцией, чем именно спекулировал и кто сколько заработал на этом. Нужно отметить, что расследование по времени совпало с проведением денежной реформы в Советском Союзе, которая сделала спекуляцию чрезвычайно затруднительной и, следовательно, менее заманчивой.

Другими словами, это расследование было идеальным примером «закрытия конюшни после кражи лошадей». По существу, расследование было проведено не для того, чтобы действительно обнаружить что-либо относительно спекуляции. Лишь несколько человек, занимавшихся мелкой спекуляцией, могли стать козлами отпущения. Расследование было предпринято главным образом для того, чтобы обелить высокопоставленных лиц посольства, получавших от спекуляции огромные барыши.

Была создана комиссия из представителей посольства, военного и военно-морского атташатов. Эта комиссия по очереди вызывала всех сотрудников и офицеров посольства и допрашивала их по поводу спекуляции. Члены комиссии пытались заставить сотрудников рассказывать о спекулятивных делах друг друга, особенно добиваясь данных о махинациях низшего персонала.

Представителем посольства в комиссии был самый важный и высокопоставленный кадровый дипломатический офицер в Москве — советник посольства Дюрброу.

Многие сотрудники посольства знали о том, что он был одним из наиболее активных спекулянтов посольства.

Например, некоторым сотрудникам посольства было точно известно, что, когда Дюрброу, направляясь в Советский Союз, проезжал через Варшаву, он приобрел там на «черном рынке» целый чемодан советских денег по курсу примерно до одной десятой от законной валютной стоимости. Благодаря неприкосновенности дипломатического багажа, он привез эти деньги в Москву и использовал их в своих целях — вероятно, продал и перевел на доллары различными путями, открытыми для человека, тесно соприкасающегося с бухгалтерией посольства.

Девушка, продолжительное время жившая со мной в одной квартире, не только точно знала об этом деле, но даже сообщала об этом в государственный департамент. Дюрброу поэтому побаивался ее и вскоре добился перевода ее из Москвы.

Другие стороны спекулятивной деятельности этого человека также были известны многим сотрудникам посольства, и не приходится удивляться, что при подобных обстоятельствах расследование не зашло очень далеко и не внушало большого доверия.

Когда мне задавали вопросы в этой комиссии, я уклонилась от дачи каких-либо сведений. Было ясно, что комиссия постарается выдвинуть какие-нибудь обвинения против очень незначительных и беззащитных лиц из рядовых служащих и сообщит государственному департаменту, что «ни один член дипломатического состава посольства» не был замешан в спекуляции.

Комиссия закончила свою работу именно таким обра зом. Человек, выбранный в качестве жертвы, являлся ско рее приятной и безвредной личностью и работал в каче стве помощника зубного врача посольства. Его официаль но обвинили в том, что он был главным посредником в спекулятивных операциях. Одного — двух лиц также обвинили в том, что они были замешаны в подобной деятельности, и их всех отправили в США. Все лица, имеющие «дипломатический ранг», были во всем оправданы и, находясь в Советском Союзе или других странах, продолжают заниматься спекуляцией.

Я привожу этот пример потому, что он показывает, в какой мере высокопоставленные круги посольства охвачены спекулятивной лихорадкой и в какой степени они могут помешать ее прекращению, будучи лично заинтересованными в ее продолжении. Поскольку эти люди сами занимаются спекуляцией и это неизбежно становится известно лицам низшего ранга, они не в состоянии помешать и им заниматься тем же самым. Тем более, что в своих махинациях они часто используют лиц низшего ранга.

В грязных спекулятивных делах отнюдь не безгрешен и сам посол Смит. Он совершал неблаговидные и далеко не соответствующие высокому положению посла США в СССР поступки.

Однажды хозяйственник посольства Бендер, исполнявший личные поручения посла, поделился со мной своими неудачами в коммерческих делах, сообщив, что переданные ему Смитом для реализации на рынке костюмы, автоматические ручки и сигареты особым спросом не пользуются, поэтому он не сумел их продать, а «босс» нажимает на него и требует деньги.

Другой сотрудник посольства — «порученец» посла Загородный рассказывал мне, что он неоднократно по поручению Смита спекулировал золотыми монетами — аме-

риканскими десятидолларовыми, кубинскими по 10 песо — и часами. Загородный похвастался, что только за последнее время он реализовал для Смита на 25 тысяч рублей золотой валюты и часов.

Об этом знают многие американцы, находящиеся в Москве, и это обстоятельство, естественно, определяет поведение всех других американцев.

Какие методы спекуляции применяют американцы в Москве?

Во-первых (правда, это относится к прошлому, так как после денежной реформы этот путь стал почти невозможным), нелегальный ввоз денег под прикрытием неприкосновенности дипломатических перевозок. До декабря 1947 г. дипломаты могли совершать поездки в Тегеран, Варшаву, Бухарест, Будапешт и другие столицы, где они имели возможность приобретать советские деньги, большей частью фальшивые, по курсу от 60 до 100 рублей за один доллар, по сравнению с законным для дипломатов курсом в Москве — 12 рублей за доллар. Они ввозили их в СССР, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, и использовали для личных нужд, а также перепродавали другим американцам по курсу от 20 до 35 рублей за доллар. Некоторые имели возможность обменять деньги в государственном департаменте по курсу 12 рублей за доллар. В результате таких операций многие американцы наживали большие суммы денег в долларах.

Во-вторых, американцы активно занимались нелегальной продажей ввезенных без пошлины товаров. Например, 10 пачек сигарет можно было купить за один доллар с оплаченной доставкой в Москву, т. е. за 12 рублей по дипломатическому курсу. В Москве их продавали за 100—150 рублей, т. е. за 8¹/₃—12¹/₂ долларов по курсу. Затем эти рубли переводились в доллары или их использовали на покупку старинных изделий, причем некоторые из них были весьма ценными.

За последние десять лет американцы нередко нелегально вывозили русские иконы для продажи и, нарушая существующие в Советском Союзе правила относительно экспорта, зарабатывали на этом огромные суммы денег.

Без преувеличений можно сказать, что довольно большое число американцев в настоящее время уезжает из Со-

ветского Союза с двумя — тремя дюжинами сундуков и мешков огромных размеров общим весом свыше одной или двух тонн, пользуясь неприкосновенностью дипломатического багажа, не подлежащего осмотру советскими таможенными властями.

Я почти не знаю американских работников посольства в Москве, которые, уезжая домой, не везут ценные книги, ювелирные изделия, антикварные изделия, фотоаппараты и т. п.

Третьим способом наживы была нелегальная продажа валюты в долларах своим же сослуживцам, а также сотрудникам других иностранных миссий в Москве, занимающимся подобными операциями. До денежной реформы в Советском Союзе бумажки в один доллар обычно можно было продать в 3—6 раз дороже их законной стоимости.

Как можно подтвердить эти обвинения? Во-первых, это может сделать любой честный американец, находившийся в Советском Союзе. Каждый человек, работавший в посольстве, знает об этом, знает лиц, которые всегда могли предложить в неограниченном количестве советские деньги для продажи в два раза дешевле их законной стоимости. Имеются и другие, более конкретные доказательства.

Например, просмотр лицевых счетов должностных лиц посольства до конца лета 1946 г. покажет, что во время войны и в течение полутора лет после войны американцы, работавшие в посольстве, во многих случаях совсем не пользовались официальным путем обмена долларов на рубли (через посольство и советский банк). В некоторых случаях, исключительно для «приличия», они меняли официально через банк лишь небольшие суммы денег.

Это является явным доказательством операций на международном «черном рынке», так как единственными легальными источниками получения советских денег по официальному дипломатическому курсу являлись посольство и банк. Следовательно, рубли доставались где-то в другом месте (хорошо известно, что сотрудники посольства свободно тратили деньги) по более выгодному курсу. Это также означает, что сотрудники посольства обворовывали американских налогоплательщиков, так как правительство

США все это время выплачивало американцам, находящимся в Москве, очень большое содержание по курсу 12 рублей за доллар. Другими словами работники посольства получали специальные субсидии обманным путем, причем в посольстве все об этом знали.

В конце лета 1946 г. всем сотрудникам посольства приказали обменивать доллары на рубли только в размере, необходимом для их содержания. Отчеты показывают, что с этого времени до конца 1947 г. ни один сотрудник посольства не обменял официальным порядком более того, что ему было необходимо в соответствии с этим приказом.

Можно доказать, что количество легально получаемых рублей было недостаточно для жизни американцев в то время. Это можно сделать путем просмотра отчетов о стоимости жизни, представленных большинством американцев на рассмотрение в посольство для того, чтобы оно имело основание ходатайствовать перед государственным департаментом об увеличении содержания состава посольства в Москве. Эти отчеты перечисляли расходы большинства сотрудников посольства. Но если их изучить и сравнить с количеством рублей, обмененных каждым сотрудником, то окажется, что, приблизительно, $^1/_2$—$^1/_4$ необходимого количества рублей приобреталась законным путем, а остальные — благодаря спекулятивным операциям. В настоящее время спекулятивные операции иностранцев в Москве все еще продолжаются, но советское правительство значительно затруднило их проведение.

Другое доказательство может быть получено путем изучения маршрутов поездок дипломатических работников, включая и работников военного атташата, в течение последних двух — трех лет. Изучение показывает, что бо́льшая часть дипломатических офицеров, имеющих право на дипломатическую неприкосновенность, приезжала в Москву через Варшаву или другие города, где оперировали «черные денежные рынки»; почти все дипломаты часто предпринимали поездки в Варшаву, Будапешт, Бухарест и в другие города, где существовали эти рынки. Конечно, дипломаты работали группами: 3—4 дипломата направляли для закупки советских денег одного человека. Это было хорошо известно сотрудникам посольства низшего ранга, не

обладавшим дипломатической неприкосновенностью. Они были чрезвычайно недовольны и озлоблены, так как должны были окольным путем покупать деньги у тех же дипломатов по более высокому курсу.

Еще одно доказательство заключается в огромном количестве товаров, получаемых из-за границы посольством и сотрудниками посольства в Москве. Советские таможенные власти, без сомнения, располагают интересными цифрами этих перевозок. Эти цифры могут показать, что до недавнего времени на каждого американца, работающего в посольстве, и членов его семьи ежегодно ввозилось по нескольку тонн товаров. Кроме того, эти цифры могут показать что для каждого американца ввозилось из-за границы 1— ящика виски в месяц и, вероятно, 20—30 пачек сигарет неделю. Они могут показать далее, что несмотря на весьм высокие нормы продовольствия, установленные для американцев при карточной системе (в среднем они равнялись 2—3 нормам в Великобритании и превышали среднее потребление продовольствия в Соединенных Штатах на человека), американское посольство ввозило из-за границы большое количество продуктов, возможно, в 2 раза выше норм, установленных для них в Советском Союзе. Совершенно ясно, что американцы ввозили все эти товары для спекулятивных целей, продавая виски, сигареты и продукты питания на рынке в очень большом количестве.

Кроме продовольствия, напитков и табака ввозилось огромное количество мебели, одежды и другого имущества. Однако отчеты таможенных властей, несомненно, могут подтвердить, что, уезжая из Советского Союза, американцы не вывозили мебель и машины, несмотря на то, что государственный департамент оплачивает перевозку этих предметов в США. Другими словами — они реализовали их на рынке.

В течение 1948 года такие операции очень резко сократились. Нужно подчеркнуть, что это не является результатом какой-либо инициативы со стороны посольства. Этому не способствовало открытое расследование и оглашение суровых правил, на выполнении которых никто не хочет или не может настаивать до тех пор, пока высокопоставленные дипломаты являются главными фигурами на спекулятивной

арене. Сокращение операций на рынке является результатом инициативы советского правительства, предпринявшего шаги для предотвращения неограниченного беспошлинного ввоза американцами товаров в Москву.

В настоящее время посольство имеет импортную квоту, и в пределах этой квоты оно свободно может ввозить все, что пожелает. Эта квота очень велика и составляет примерно 200 тысяч долларов в год — свыше тысячи долларов на каждого мужчину, женщину и ребенка, имеющих отношение к посольству.

Советское правительство не препятствует ввозу товаров из-за границы в пределах этой квоты, но оно принимает меры для прекращения огромного нелегального импорта, имевшего место ранее.

Кроме разрешенного импорта в пределах квоты, любому вновь прибывающему американцу разрешено привозить с собой до 5—10 тонн предметов домашнего обихода, также без уплаты пошлины. Кроме этого, дипломатические работники, пользующиеся правом дипломатической неприкосновенности, могут привезти с собой, и на деле привозят, по крайней мере тонну товаров каждый под дипломатическими печатями. Наконец, дипломатическая почта (сумки, мешки), прибывающая в посольство каждый месяц, весит несколько тонн и более чем на 50% состоит из одежды и других вещей, предназначенных личному составу посольства.

Все это не помешало посольству попытаться состряпать большой «международный спор» по вопросу об отказе советского правительства разрешить неограниченный импорт свободных от пошлин товаров, в действительности являющихся предметами спекуляции. Известно, что некоторые лица даже угрожали разрывом дипломатических отношений, используя как предлог упомянутые защитные мероприятия советских властей. Другие заявляют, что они не могут жить без свободных от пошлин товаров; они даже осмеливались перенести этот «спор» на страницы американской прессы, рисуя себя там чуть ли не как голодающих людей.

Все это в действительности не связано с какими-либо трудностями, переживаемыми американцами, работающими в посольстве; они пользуются привилегией жить в одной

из немногих стран Европы, где отменена карточная система и где продовольствие имеется в изобилии. Вопрос заключается в том, нужно ли разрешать американцам в Москве производить неограниченные операции на «черном рынке» и спекулировать беспошлинными контрабандными товарами и, таким образом, переносить капиталистическую мораль и практику в социалистическую страну, где спекуляция является уголовнонаказуемым преступлением.

В настоящее время американцы столкнулись с большими препятствиями в своих спекулятивных операциях в связи с денежной реформой, лишившей их возможности приобретать фальшивые деньги за границей для нелегального ввоза и продажи их в СССР.

Однако американские дипломаты упрямы, и можно ожидать, что они сделают все возможное для восстановления своей спекулятивной деятельности в прежних размерах. Они имеют возможность в течение всей своей карьеры пить свободное от налогов виски, курить свободные от налога сигареты и пользоваться свободными от налога пайками и бесплатными квартирами. Кроме того, они хотят заниматься спекулятивным «бизнесом». Американские дипломаты спекулируют на всей территории Западной Европы, Среднего Востока, Южной Америки и Африки, принуждают местные правительства согласиться на ввоз неограниченного количества американских товаров для спекулятивной продажи, считая это своим суверенным правом. Эту практику они пытаются переносить на территорию Советского Союза.

Я говорю больше всего о практике американцев в Москве, так как я работала здесь в посольстве и ежедневно слышала разговоры, которые носят название «беседы черного рынка»: о ценах на сигареты, платья, машины и муку в розничной продаже или оптом. Но печальный факт заключается в том, что все это относится в различной степени к каждому американскому посольству в любой стране мира.

Этому вопросу стоит уделить столько внимания хотя бы потому, что он показывает моральное загнивание американских дипломатов, показывает, насколько низко пали даже избранные и обычно состоятельные группы этих людей,

воспитанных в государстве, где почитается бандитизм. Эти люди не могут отказаться от своей природной психологии, даже находясь в социалистической стране. Изложенное здесь показывает, как мало эти люди заботятся о том, чтобы быть достойными представителями народа США; как лица, имеющие высшие дипломатические ранги, охвачены спекулятивной лихорадкой в почти неизлечимой степени. Таково моральное лицо официальных представителей Соединенных Штатов в Советском Союзе.

ГЛАВА VII

ПОЧЕМУ ПРАВИТЕЛИ США БРЯЦАЮТ ОРУЖИЕМ?

Когда я вспоминаю о жизни в Соединенных Штатах, одно впечатление, тяжелое и безрадостное, ложится камнем на сердце: перед моим мысленным взором встают гигантские жирные газетные заголовки, предсказывающие новую войну, проповедующие новую войну, призывающие к новой войне; в моих ушах звучат речи бесстыдных пропагандистов войны, которые, повторяя приемы Геббельса, прославляют войну как самое счастливое и выгодное ремесло. Как это ни горько, приходится признать, что после войны Соединенные Штаты охвачены поистине невиданным военным психозом.

Я не являюсь по профессии ни экономистом, ни социологом и не могу претендовать на звание «эксперта» по вопросам социального устройства или экономики США. Как рядовой человек, я могу говорить лишь о тех фактах, которые известны всякому, умеющему читать, слушать и объективно самостоятельно наблюдать. С позиций рядового человека я и попытаюсь объяснить то, что происходит сейчас в Соединенных Штатах.

Всем известно, что хотя прошло уже три года после поражения Германии и Японии, но армия, флот и воздушные силы Соединенных Штатов все еще сохраняются в состоянии мобилизационной готовности. Наши войска разбросаны буквально по всему миру.

Всем известно, далее, что послевоенная Америка тратит многие десятки миллиардов долларов на производство вооружения. Заводы по производству атомных бомб продолжают свою работу. Конгресс США отпустил огромные новые ассигнования на расширение военно-воздушных сил. Военно-морской флот США во многих отношениях нахо-

дится на уровне военного времени. Впервые в истории нашей страны конгресс принял в мирное время закон о всеобщей воинской повинности. Военные расходы поглощают большую часть огромного бюджета США.

Всем известно, наконец, что пропаганда новой войны в Соединенных Штатах достигла небывалого размаха. Поджигатели войны не только пользуются полной безнаказанностью, но и всячески поощряются.

Я уже не говорю о таких гангстерах пера, как Дрю Пирсон, Уинчелл или братья Олсоп, которые изо дня в день воспевают и пропагандируют новую войну в прессе и по радио. Даже руководящие деятели американского государственного аппарата, в том числе руководители вооруженных сил, открыто призывают к «бомбардировке атомными бомбами врагов» без предупреждения, в качестве «превентивной» (предохранительной) меры. Послушать речи наших генералов — то невольно покажется, что предательская практика Порт-Артура и Пирл-Харбора из японской традиции превратилась в американскую.

Я уверена, что мои русские друзья поймут, что вся эта зловещая игра с огнем отнюдь не отвечает духу американского народа. Я уверена, что мои русские друзья сумеют провести разграничительную черту между американским народом и кликой крикливых авантюристов, имеющих наглость выступать от лица всей Америки. Именно поэтому мне хочется высказать до конца всю правду о военном психозе в США и показать его подлинные причины.

Бряцая оружием, пропагандисты и организаторы новой войны всячески пытаются оправдать гонку вооружений в США болтовней о том, что миру угрожает... Советский Союз, якобы стремящийся к «мировому господству». Однако даже пресловутые «русские эксперты» в Соединенных Штатах, наиболее реакционные журналисты и представители госдепартамента, энергично поддерживающие программу милитаризации Соединенных Штатов, прекрасно знают, что СССР войны не желает. Это, как мне лично известно, не раз признавали в частных беседах даже наиболее антисоветски настроенные сотрудники посольства США в Москве.

В самом деле, куда уйдешь от того факта, что Советский Союз демобилизовал свои армии военного времени?

Как не считаться с тем фактом, что демобилизованные русские ветераны войны мирно трудятся на полях, на заводах и фабриках? Как скрыть тот факт, что СССР три года подряд сокращал свой военный бюджет и не ассигновал специальных военных кредитов? Как не принять во внимание того, что Советский Союз во всеуслышание объявил свои экономические планы на 15—20 лет вперед в общих чертах и на 5 лет вперед во всех подробностях?

Кто-кто, а правящие круги Соединенных Штатов прекрасно знают, что советский народ сейчас все свои силы отдает делу экономического восстановления и реконструкции своей страны, вопреки распространяемому лидерами правительства США мифу о том, будто бы СССР затрачивает бо́льшую часть своего национального дохода на военные приготовления. Советские вооруженные силы не разбросаны по белу свету, как американские, а находятся у себя дома, в Советском Союзе. Лишь некоторое количество советских оккупационных войск в соответствии с международными соглашениями остается пока еще в Австрии и Германии. Но советское правительство официально предложило — в ближайшем будущем, после подписания мирных договоров, отвести свои войска и из этих районов при условии, что американские и другие оккупационные силы последуют их примеру. Наконец, советские лидеры не выступали и не выступают с публичными угрозами против кого бы то ни было; не делают этого и рядовые советские граждане — ни в прессе, ни по радио, ни на митингах.

Таким образом, русские не хотят войны, и СССР не хочет войны. Ни один здравомыслящий человек не сможет отрицать этого. Так кто же желает войны и чем объяснить лихорадочную гонку вооружений в Соединенных Штатах? Ответ на этот вопрос надо искать в пороках американской социально-экономической системы.

В течение 10 лет после краха 1929 г., вплоть до 1939 г., США находились в состоянии беспрерывной депрессии. Производство товаров стояло на низком уровне. Фабрики и заводы работали не полностью, использовалась лишь часть их производственной мощности. С другой стороны, фермеры не могли найти рынка сбыта для своих сельскохозяйственных продуктов. Цены на продукты были катастрофически низкими.

На протяжении всех этих десяти лет от 5 до 15 миллионов здоровых американцев оставались без работы, хотя соглашались даже на голодную, типичную для того периода заработную плату. Страна деградировала. Поля с несобранным урожаем перепахивались, в то время как многие люди голодали. Производство товаров ограничивалось, хотя все нуждались в них. И только тогда, когда разразилась война, экономика США начала работать на полную мощность. Война явилась благом для американских капиталистов,— они заработали на войне сотни миллиардов долларов. Были построены сотни новых заводов, занятых выполнением военных заказов. Производственная машина США стала еще более мощной.

Но что же получилось, когда война закончилась? Военные заводы лишились заказов. Производство стало сокращаться.

Какой-нибудь наивный читатель, не знающий особенностей капиталистической экономики, может спросить: «Ну и что же? Надо военные заказы заменить мирными, только и всего. Пусть военные заводы выпускают не пушки, а товары для населения!» Именно так и решили проблему перехода с военных рельсов на мирные в Советском Союзе. Но в США, в капиталистической стране, дело обстоит иначе. У капиталистов на первом плане забота о голой прибыли. Капиталист хочет выпускать товары лишь в таком объеме и по такой цене, которые принесут ему большой доход. А в условиях, когда цены растут, и заработки простого рабочего и простого крестьянина падают, товары не находят сбыта. В результате встает угроза нового кризиса, новой депрессии, еще более сильной, нежели та, какую мы пережили в 1929—1939 годах.

Вот откуда берут свое начало авантюристические замыслы тех, кто сейчас затевает новую гонку вооружений в США и вынашивает планы завоевания мирового господства.

Господам с Уолл-стрита хотелось бы стать безраздельными владыками на всех торговых рынках земного шара. Им хотелось бы задушить всех своих конкурентов и наводнить американскими товарами весь мир. Наконец, те колоссальные военные заказы, которые правительство США сейчас за счет налогоплательщиков передает военно-про-

мышленным концернам, оказывают и непосредственное благодетельное влияние на их доходы,— эти доходы опять начинают быстро расти, как в «доброе военное время».

Нельзя, наконец, упускать из виду и того, что милитаризация означает прямой переход к полуфашистской или даже прямо фашистской внутренней политической системе, при которой «радикалы», «коммунисты» и другие недовольные и активно протестующие против авантюристической политики правящих кругов США элементы грубо подавляются при помощи полицейских действий и арестов.

Известно, что никогда еще в истории США это положение не иллюстрировалось так наглядно, как в наши дни. Дикий разгул шпиономании, повальные аресты прогрессивных американцев, принятие целой серии антирабочих законов, лишение американских граждан элементарных политических свобод — таковы характерные черты послевоенной Америки. С чувством горькой боли и обиды за свой народ я вынуждена признать, что послевоенный путь США с ужасающей точностью, вплоть до мельчайших подробностей, напоминает путь, которым шла Германия ко второй мировой войне.

Меня могут спросить: почему же в Соединенных Штатах, в стране, которая всегда громко заявляла на весь мир о том, что она является обителью демократии, деятельность пропагандистов, поджигателей и организаторов новой войны остается безнаказанной?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо опять-таки учесть некоторые специфические особенности Америки. Я уже говорила о том, что Америка разбогатела на второй мировой войне. Конечно, в первую очередь разбогатели воротилы с Уолл-стрита. Но было бы неправильным закрывать глаза на то, что и на долю других классов перепало кое-что от военных прибылей. И это обстоятельство в какой-то мере сказывается на всей политической обстановке в Соединенных Штатах.

Попытаюсь пояснить эту мысль на конкретных примерах.

Джон Джонс — банкир из Нью-Йорка. Он и его коллеги участвуют своими капиталами во всякого рода предприятиях во всех штатах США. Сам Джон Джонс является директором автомобильной компании, директором компании по производству самолетов, директором крупной

кинофирмы. Он поддерживает тесный личный контакт с миром «деловой рекламы», с газетами, владельцам которых он предоставляет кредит. Он — близкий личный друг сенаторов и членов правительства, которым часто оказывает «различные услуги».

В годы депрессии фирмы Джона Джонса понесли большие убытки, и он на собственном кармане ощущал влияние депрессии. Его личные доходы упали с миллиона долларов в 1929 г. до нескольких десятков тысяч долларов в следующие годы. Но вот пришла война, и Джонс вернул деньги, потерянные во время депрессии. Сейчас он стал еще богаче, чем был до рокового 1929 года. Фирмы, в которых он имел личные капиталовложения и которые контролировались его банком, продали правительству товаров на миллиарды долларов.

Сейчас Джонс действует таким же образом, получая огромные доходы и расширяя свои операции за границей. Он приобрел различного рода предприятия в Англии, Франции, Германии, укрепил свое положение в Японии и на Ближнем Востоке. Конечно, Джон Джонс стоит за милитаризацию Соединенных Штатов, потому что каждый доллар, потраченный на оружие и боеприпасы, означает увеличение доходов его компаний. Конечно, Джон Джонс одобряет план Маршалла, потому что этот план гарантирует ему свободу действий в Западной Европе, гарантирует расширение его финансовой и коммерческой деятельности. Конечно, Джон Джонс одобряет экономическую и политическую экспансию США за границей, потому что он сам ее олицетворяет. И уже совершенно ясно, что Джон Джонс не возражает против подготовки войны с Советским Союзом — ему известно, что СССР обладает величайшими в мире природными ресурсами, и он не прочь подобраться к этим ресурсам.

Джонс прекрасно знает, что идеи милитаризма можно «продать» американскому народу только путем разжигания военного психоза. Эту задачу выполняют газеты, финансируемые Джонсом и его фирмами; кинокартины, выпускаемые компанией, в которой он имеет финансовые интересы; радиопрограммы, передаваемые радиостанциями, финансируемыми его банком и существующими благодаря его рекламам. Линию, отвечающую интересам Джонса, проводят

сенаторы и конгрессмены, получающие от него средства на предвыборную кампанию.

Джонс не одинок, потому что имеются тысячи джонсов — одни покрупнее, другие помельче,— и все они мыслят одинаково, все они испытывают страх перед экономическим кризисом и видят выход из тупика в политике, ведущей к войне. Джонс и его коллеги давят на общественное мнение США.

Опустимся теперь на низшую ступеньку той социальной лестницы, на вершине которой стоит Джонс.

Джон Смит работает на фабрике. Он читает газеты, отражающие мнение банкира Джона Джонса. Он плохо разбирается в политике, все его помыслы сосредоточены на одном — как бы не вернулась злая пора 30-х годов, когда он, голодный и злой, бродил по улицам в поисках работы.

Смит помнит, что в 1940 г., когда началась война, он вернулся на фабрику, работал полный рабочий день и получал высокую плату. Если он отдавал производству сверхурочное время, ему платили двойной оклад. Сейчас Смит работает только 35 часов в неделю. Он знает, что если владелец фабрики получит военные заказы, то рабочая неделя увеличится до 50—60 часов и заработок возрастет в три раза.

В принципе Джон Смит против войны, но к идее утроения заработка он относится доброжелательно, даже если это и означает более тяжелую работу. Поэтому он часто предпочитает не думать о том, для какой же цели предназначаются пушки, выпускаемые его заводом, на котором он работает в мирное время.

Муж Джейн Доу — фермер. В 30-х годах чета Доу потеряла ферму, которая им принадлежала; они стали фермерами-арендаторами и вели отчаянную борьбу за существование, не будучи в состоянии вырваться из рук сборщика налогов. Однако, когда началась война, цены на продукты быстро стали расти, нашелся рынок для пшеницы фермера Доу. Доу не пошел на войну, так как он, как «производящий фермер», был освобожден от мобилизации. И вот семья Доу заработала достаточно, чтобы выкупить свою ферму, купить сельскохозяйственный инвентарь и положить 10 тысяч долларов в банк.

После войны чета Доу начала задумываться: сохранится ли рынок для пшеницы? Конечно, Доу и его супруга стоят за план Маршалла, потому что им говорят, что при его осуществлении пшеница найдет сбыт. Супруги Доу, так же как и Джон Смит, читают газеты, отражающие взгляды Джонса и утверждающие, будто бы СССР хочет начать войну. Семья фермера Доу не одобряет войну, но... ведь во время войны цены на пшеницу стояли так высоко! И Доу голосует за людей, проводящих политику, ведущую к войне.

Конечно, я далека от мысли о том, что все рабочие в США рассуждают так, как Джон Смит, а все фермеры — как чета Доу. Но было бы неправильно закрывать глаза на то, что таких людей, как эти, у нас, к сожалению, пока еще немало. Эти темные, невежественные, обманутые люди своей пассивностью и дают возможность джонсам играть в Америке первую скрипку.

Конечно, есть в Америке и миллионы других людей, понимающих, что в наш атомный век война означала бы для США национальное самоубийство. С каждым днем в Соединенных Штатах Америки становится все больше людей, понимающих, куда ведет Америку гибельная политика зарвавшихся авантюристов с Уолл-стрита. Их голос звучит все громче. Я убеждена, что эта другая, прогрессивная Америка еще скажет свое слово. Но при всем том командуют в сегодняшней Америке, хозяйничают в ней, словно в своей конторе, джонсы. Власть в их руках, и они используют эту власть для того, чтобы толкать Соединенные Штаты по пути, который в конечном счете может оказаться дорогой к национальному самоубийству. Я думаю, что это похоже на то, что было в Германии в 30-х годах, когда Гитлер приступил к осуществлению своей военной программы.

Вот то основное впечатление, которое у меня складывается, когда я думаю о нынешней Америке. Именно в этом кроется основная причина того, почему я отказалась жить в сегодняшней Америке, почему избрала для жизни страну, предпринимающую все усилия, чтобы обеспечить мир во всем мире,— страну, которая, невзирая на все трудности, целеустремленно и быстро движется вперед по пути мира и прогресса.

ГЛАВА VIII

МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Перед поездкой в Москву в госдепартаменте мне говорили, что русские будут меня бояться и не захотят даже со мной разговаривать.

Спустя несколько недель после приезда в Москву я убедилась в том, что многие советские граждане, с которыми я встречалась, не только не боялись видеться со мной и свободно разговаривать, но оказались дружелюбными и сердечными людьми. Надо сказать, что эти советские люди были более гостеприимными, чем я или любой другой сотрудник американского посольства в Москве имел право ожидать, если принять во внимание, что посольство повседневно проводит политику, рассчитанную на подрыв дружественных отношений между советским и американским народами и тратит огромное количество денег на шпионаж и ведение враждебной пропаганды против советского народа и его правительства.

Перед поездкой в Москву мне говорили, что будет совершенно невозможно путешествовать вне пределов города и что советские власти делают все, чтобы не дать возможности американцам, живущим в Москве, увидеть Советский Союз и познакомиться с советской жизнью.

Прибыв в Москву, я убедилась, что не только можно путешествовать вне Москвы без какого-либо вмешательства, но что местные власти, администрация гостиниц, музеев, культурных учреждений, памятников старины и т. д. в Москве и вне города оказывают помощь и проявляют чуткое гостеприимство в отношении иностранцев, обращающихся к ним за содействием.

Я узнала, что многие американцы, предпринимая поездки в различные районы Советского Союза, встречали не препятствия, а помощь советских властей и приятное гостеприимство.

Я лично вместе с советскими и американскими друзьями посетила много городов и памятников культуры и старины близ Москвы. Я останавливалась в гостиницах, посещала музеи, монастыри, церкви, куда меня пускали совершенно свободно, и везде относились ко мне с величайшей внимательностью.

Когда я посещала деревенские школы, то учителя всегда приглашали меня и моих спутников к себе домой, чтобы рассказать о своей работе и проблемах, с которыми они сталкиваются.

Хорошо помню, как однажды я побывала в доме одного колхозника недалеко от Москвы, куда мы зашли, чтобы спрятаться от дождя. Он пригласил нас к себе и устроил нам завтрак, состоявший из черного хлеба, сала, помидоров, огурцов, чая и водки.

Он рассказал мне, что его сына убили на фронте. Сам он также дрался против немцев, а затем вернулся в деревню, чтобы восстановить свой дом, разрушенный оккупантами. Он рассказал нам о своих надеждах на лучшую жизнь и подробно описал, что он лично делает для улучшения жизни. Он поднял тост за дружбу между народами Америки и Советского Союза и, когда мы уходили, приглашал нас к себе в гости.

Я помню так, как если бы это происходило только вчера, свою поездку летом 1947 г. на черноморское побережье, в район Одессы, и с удовольствием вспоминаю гостеприимство, оказанное мне в одном украинском доме, где я прожила несколько недель. Я помню сердечные проводы и просьбу моих украинских друзей вновь посетить их когда-нибудь в будущем.

Вскоре после приезда в Москву я быстро убедилась в том, что многие американцы наглейшим образом злоупотребляют советским гостеприимством, используя свою свободу путешествовать вне Москвы в целях шпионажа. Эти поездки предпринимаются на средства, специально предоставляемые американским правительством для сбора информации, которая пересылается в госдепартамент в виде письменных отчетов, наполненных злобной клеветой против народа, принявшего иностранцев как друзей и оказывавшего им содействие в поездках.

Я была возмущена, узнав, что те американцы, которые

не только свободно путешествовали в окрестностях Москвы, но и предпринимали более далекие поездки, больше других распространяли ложь о том, что им «не разрешают путешествовать и знакомиться с советской жизнью». Если некоторые из этих американцев сейчас сталкиваются с большими трудностями при своих поездках, чем в 1946—1947 гг., то они могут в этом винить только себя. Советские люди, видимо, понимают, что «гости» посещают их для того, чтобы потом сфабриковать грязную клевету, а также для того, чтобы попытаться «выудить» у них разведывательную информацию.

В Вашингтоне и в посольстве мне неоднократно говорили, что Россия будто бы готовится к войне против США с целью достижения мирового господства.

Я убедилась в том, что каждый советский гражданин, с которым я разговаривала, страстно желает установления прочного мира во всем мире.

Беседуя с самыми различными русскими людьми, я пришла к выводу, что члены коммунистической партии и официальные деятели советского государства, так же как и остальные советские граждане, искренне желают длительного мира и дружественных отношений с США.

Я увидела, что все без исключения русские люди дружественно настроены по отношению к американцам, несмотря на то, что антисоветски настроенные деятели американского правительства проявляют открытую враждебность к СССР.

В Вашингтоне и в посольстве мне часто говорили, что советские граждане систематически дезинформируются о Соединенных Штатах и об американском народе.

Я лично убедилась в том, что многие русские хорошо знакомы с американской жизнью, культурой и политикой. Я увидела, что многие американские авторы столь же хорошо известны и их произведения столь же часто читаются в Советском Союзе, как и в самих Соединенных Штатах.

На-днях ко мне заходила шестнадцатилетняя девушка, дочь одного из моих друзей. Она с интересом расспрашивала меня о жизни в Америке, об американской литературе. Она разговаривала со мной о таких писателях, как Марк Твэн, Фенимор Купер, Теодор Драйзер, Эптон Син-

клер, Синклер Льюис, Джон Стейнбек, с таким глубоким знанием их произведений, что я была крайне удивлена. Я уверена, что она ушла от меня разочарованной: она надеялась узнать от меня что-либо об американских авторах, которых она не читала, а вместо этого она должна была рассказывать мне об авторах, произведений которых я не читала.

Я увидела, что обыкновенный советский гражданин несравненно больше знает о Соединенных Штатах и меньше заблуждается в вопросах американской жизни, чем средний американец знает о советской жизни. Я убедилась, что в Советском Союзе пресса не проводит никакой кампании, рассчитанной на разжигание ненависти к американскому народу, в то время как в США (об этом хорошо известно) вся мощь прессы и радио направлена против советского народа.

Мне говорили в Вашингтоне, что все советские граждане «боятся и ненавидят свое правительство». Это оказалось враньем. Из разговоров с десятками советских граждан я убедилась, что они питают величайшее уважение и доверие к своему правительству, коммунистической партии и их руководителям.

Мне особенно хочется отметить то, что советские граждане являются самыми преданными в мире патриотами своей страны, что во многих случаях — на фронте или в тылу — они рисковали жизнью ради своей страны и готовы в любое время вновь защищать Советский Союз против любых врагов, откуда бы они ни пришли.

Я увидела, что советские граждане питают огромную любовь и уважение к своему вождю — генералиссимусу Иосифу Сталину, что это уважение основано на известном каждому советскому человеку факте, заключающемся в том, что Сталин всю свою жизнь посвятил советскому народу и что благодаря его прозорливости и решимости Советский Союз в наиболее критические моменты истории находил в нем своего спасителя.

Примерно год тому назад, в солнечный день, я была в гостях у одной моей знакомой советской девушки в Москве. Большая и светлая комната, в которой проживала ее семья, была обставлена довольно скромно. На стене висел портрет генералиссимуса Сталина. Это была единствен-

ная картина в комнате. Я спросила отца моей знакомой, из каких чувств он исходил, повесив этот портрет на стене. Он, не задумываясь, с гордостью ответил:

«Товарищ Сталин и я — мы оставались в Москве в тревожные дни октября 1941 года. Многие слабонервные люди в Москве испугались. Некоторые из них говорили, что Москва обязательно попадет в руки немцев. Мы все знали, что́ это будет означать для нас, поскольку мы слышали от тех, кто сумел спастись от немцев, как оккупанты убивали и грабили других советских граждан. Могу признаться в том, что я тоже нервничал, но не отходил от станка, потому что я знал, куда идут боеприпасы, которые я делал».

Далее он продолжал:

«Мы знали, что товарищ Сталин находится с нами. Он командовал обороной Москвы. Я был на заводе, когда услышал это сообщение, и помню, что́ сам почувствовал в этот момент и как реагировали рабочие в моем цехе. Мы знали, что он руководит нами и миллионами других рабочих и солдат в обороне нашей столицы. Мы работали 12, 14, 16 часов в день, производя снаряды. Мы работали до тех пор, пока не падали от усталости, спали несколько часов прямо в цехе, а затем вновь начинали работать. Мы знали, что товарищ Сталин через величайшие испытания ведет нас к победе. Он привел нас к ней, и теперь, в мирных условиях, он также ведет нас к победе. Он спас нас от германского рабства. Я не член компартии, но жить под руководством такого вождя — привилегия, которой я горжусь. Вот почему портрет товарища Сталина всегда на почетном месте в моем доме».

В государственном департаменте мне говорили, что все советские люди живут в постоянном страхе перед советской тайной полицией. Это тоже оказалось враньем. На основании собственных наблюдений и многочисленных разговоров с русскими людьми я убедилась в том, что они не только считают себя свободными, но и являются свободными. Они считают свое государство справедливым, и оно действительно справедливо.

Я узнала, что только ничтожное количество советских граждан, стремящихся к обогащению за счет благополучия своих сограждан, не спит спокойно ночью, хорошо зная,

что советское правосудие неизбежно найдет и накажет виновных.

Я увидела, что граждане, которые пытаются предать интересы советского государства (хотя это случается довольно редко), тоже строго наказываются. Но я также увидела, что честные советские люди, которые составляют подавляющее большинство населения, спят особенно спокойно и чувствуют себя особенно уверенно в своих правах на свободу именно потому, что государство бдительно защищает их от предательства и эксплоатации со стороны преступных элементов.

Мне говорили в государственном департаменте, что в Советском Союзе русские эксплоатируют все другие национальности. Я сама убедилась в том, что Советский Союз является единственным государством в мире, в котором полное расовое равенство не только обеспечивается законами, но и проводится в жизнь.

Все советские граждане, независимо от их религии, национального происхождения или цвета кожи, имеют одинаковые права, одинаковые привилегии и одинаковые обязанности. Люди всех национальностей имеют возможность заниматься любой полезной деятельностью без всякой дискриминации или фаворитизма. Я увидела, что Советский Союз является государством, в котором десятки национальностей живут в мире, имея возможности для полного развития своей национальной культуры.

Я вспоминаю вечер, проведенный в одном московском ресторане, где отмечали день рождения одного из моих советских друзей. За различными столами в ресторане находились монголы и казахи, эстонцы и украинцы, евреи, русские и армяне. Все они ужинали в одном зале, каждый веселился по-своему и чувствовал себя частичкой единого целого, и двери этого ресторана были открыты для всех, независимо от того, черная кожа у него или коричневая, независимо от каких бы то ни было национальных предрассудков. Один армянин, сидевший с русским другом за ужином, начал спорить о том, где лучше климат — в Москве или в Ереване. Спорили они настолько громко, что было слышно во всем ресторане. Затем спор перешел на обсуждение относительных достоинств России и Армении вообще, и мне казалось, что горячая кровь патриотически

настроенного кавказца закипела. Я была уверена, что дело скоро дойдет до рукопашной. Спор был настолько громким, что привлек к себе внимание всего зала, и директор ресторана начал волноваться. Потом я вдруг увидела, как два «врага» пожимали друг другу руки, а затем русский, держа в руке рюмку ереванского коньяка, а армянин — рюмку московской водки, произносили тост: армянин за Москву, а русский за Ереван.

На советской сцене я видела знаменитую певицу — актрису Тамару Ханум. Она поет народные песни шестнадцати национальностей, причем песню каждой национальности она исполняет в соответствующем национальном костюме. Сама Тамара Ханум являлась для меня символом положения, которое занимают народы Центральной Азии в советской жизни. Ее песни вызывали бурные аплодисменты преимущественно русской аудитории, что явно свидетельствовало о том, что народы Советского Союза считают культуру всех советских национальностей своей собственной культурой. Это свидетельствовало также о восхищении и уважении к культуре других народов.

Я сама видела, что в кино, в искусстве, в литературе, в науке, в спорте, в политической жизни и государственной деятельности представители нерусских национальностей всего Советского Союза имеют те же права и возможности реализовать свои творческие способности и выполнять ответственную работу, как и русские.

Мне говорили в посольстве, что советских женщин эксплоатируют и силой заставляют работать на заводах и фабриках. Я увидела (особенно с тех пор, как ушла из посольства, чтобы занять свое место в советской жизни), что только в Советском Союзе женщины имеют те же права, что и мужчины,— не только по законам, но и на практике. Только здесь женщины получают равную зарплату за равный труд и имеют полную возможность занимать наиболее ответственные посты. Нигде в мире нет столь высокого процента женщин, работающих в медицине, науке, искусстве, литературе и точных науках, как в СССР.

Я познакомилась с десятками женщин, которые занимают ответственные посты в различных областях жизни. В числе моих знакомых — деятельница науки, лауреат

Сталинской премии, обладательница орденов Ленина и Трудового Красного знамени. Она стала известным человеком в Советском Союзе благодаря своей научно-исследовательской работе и находит достаточно времени, чтобы воспитывать двоих детей. Она, быть может, представляет исключение, поскольку обладает выдающимися способностями, но символизирует для меня сотни тысяч женщин, выполняющих огромную работу в области советской науки, техники и искусства.

Я увидела также, что советское правительство создало систему ухода за детьми работающих матерей, которая позволяет женщине создать семью и в то же время выполнять свою любимую работу. Я лично познакомилась с той заботой, которой советское правительство окружает матерей.

Недавно я должна была родить ребенка. В течение нескольких месяцев до того, как мне нужно было пойти в родильный дом, я получала полную бесплатную медицинскую профилактическую помощь. Когда в последние недели я не была в состоянии посещать клинику, ко мне на дом приходила медицинская сестра, так же как и на квартиры других будущих матерей, с которыми я была знакома и которые были в таком же положении, как и я. Когда мне нужно было поехать в родильный дом, то за мной приехала машина, специально прикрепленная для обслуживания беременных женщин.

В родильном доме меня обеспечили полным медицинским уходом, всеми средствами лечения и пищей, причем все это бесплатно. Мой ребенок родился, и в течение 10 дней за ним и за мной отлично ухаживали. За все это я не заплатила ни одного цента. Это не было специальной привилегией для меня, а является правом каждой матери в Советском Союзе. В какой еще стране мира можно найти подобные великолепные условия?

Мои приятельницы в США в период беременности вынуждены были платить за предродовый уход, за такси, перевозившие их в госпиталь, за койки в родильном доме, за пищу, почти за воздух, которым они дышали, когда были в родильном доме. Когда они возвращались домой и больше всего нуждались в том, чтобы быть избавленными от всех забот и нервозных мыслей, им за все перечислен-

ные услуги присылали счета, доходившие примерно до 500 долларов.

Несколько месяцев назад я посетила дом для сирот в Москве. Директор дома — женщина лет 40, которая имела собственную семью и очень любила детей, показала мне своих воспитанников и познакомила с маленькими мальчиками живущими в ее доме. Не помню, чтобы где-нибудь я видела такую здоровую и счастливую группу ребят — толстых, крепких, веселых, строящих различные сооружения, иногда дерущихся, но растущих со всеми преимуществами детей, имеющих родителей. Возможно, что эти дети получали даже лучший уход, чем те, которые живут дома. Для меня это явилось символом сердечного отношения советского государства к своим детям.

Из разговоров со многими советскими женщинами я узнала, что они не ведут такой бесполезной, пустой жизни, какой живут жены богатых людей в Америке, или жизни, сопровождаемой тяжелым трудом, которую ведут жены рабочих и фермеров в США и в других капиталистических странах. Советские женщины знают, что, где бы они ни работали — будь то на фабрике или ферме, в конторе или в институте,— их не эксплоатируют. Они сами пожинают плоды своего труда и в то же время вносят большой вклад в строительство великого государства и нового общества.

В государственном департаменте и в посольстве мне говорили, что высшее образование в Советском Союзе могут получать только дети «привилегированных классов».

Я увидела, что любой советский молодой человек, который способен сдать соответствующие экзамены, свободно может получить высшее образование. Подавляющее большинство студентов получает образование за счет государства и может сосредоточить все свое внимание на учебе, не опасаясь, что экономическая нужда заставит его на полдороге отказаться от получения желаемой профессии.

Только в Советском Союзе я увидела, что рабочие могут после рабочего дня посещать школы при своих заводах, чтобы за счет государства стать инженерами, техниками, специалистами.

Я сейчас вижу перед собой женщину, которая пришла помочь мне по хозяйству, поскольку я еще не совсем окреп-

ла после рождения сына. Она — скромная, приятная, честная женщина, происходящая из крестьянской семьи. Ее муж работает на одной московской фабрике. Они представляют собой обыкновенную русскую семью, каких тысячи в Советском Союзе. У них трое детей: две дочери и один сын. Ее сын, вернувшийся после войны с наградами, изучает физику в Московском университете. Он хочет стать ученым. Перед ним долгий путь, интенсивная работа, но он получает стипендию от государства и не является обузой для своей семьи. На протяжении всей учебы он будет жить на стипендию, как тысячи других советских студентов. Одна из дочерей этой женщины закончила музыкальную школу и сейчас поступает в Московскую консерваторию; эта девушка намерена стать концертной пианисткой. Вторая дочь еще учится в школе, но готовится поступить в институт иностранных языков и уже неплохо говорит по-английски; как-то она заходила ко мне, чтобы попрактиковаться в языке.

На основании моих собственных наблюдений я могу сказать, что граждане Советского Союза постоянно имеют большой стимул к получению образования, вытекающий из сознания того, что, когда они полностью подготовят себя к квалифицированной работе, они всегда ее найдут. Они знают, что являются желанными людьми, что государство гарантирует им работу в соответствии с избранной профессией, что им никогда не придется опасаться безработицы; советским людям чуждо чувство бесполезности, переживаемое людьми в Америке и других капиталистических странах, когда их выбрасывают с работы и они вынуждены жить или на жалкое правительственное пособие, или на средства частной благотворительности, или же погибнуть от голода.

Я сама видела, что только в Советском Союзе пожилые рабочие могут спокойно выполнять свою работу, будучи уверенными в том, что их никогда не уволят, чтобы освободить их места для более молодых и более сильных людей. Только в этой стране каждый человек знает, что ему будет предоставлена работа до тех пор, пока он хочет и может работать. Я сама убедилась в том, что здесь каждый гражданин имеет право на бесплатную медицинскую помощь и госпитализацию. Советские рабочие прекрасно зна-

ют, что ни болезнь, ни несчастный случай не могут лишить их жилья и сбережений и что они не будут выброшены на улицу и не будут влачить голодное существование. В Советском Союзе ни один рабочий никогда не зависит от благотворительности в деле оказания ему медицинской помощи.

В посольстве и государственном департаменте мне говорили, что уровень жизни в Советском Союзе один из наиболее низких во всем мире. Мне также говорили, что в СССР война произвела такие опустошения, что пройдет много десятков лет, прежде чем эта большая страна без кредитов США сумеет встать на ноги, сумеет восстановить свои разрушенные города и деревни. Мне говорили, что советское правительство основные свои усилия направляет на производство вооружения, с которым оно планирует начать новую мировую войну.

Прибыв в СССР, я увидела то, что при желании мог бы увидеть любой американец. Я увидела, что, несмотря на весьма серьезные последствия войны, даже в 1946 г. советские люди получали большее количество пищи и вообще жили лучше, чем другие народы Европы. Я увидела, что они не голодают, все работают, имеют теплую одежду и крышу над головой.

Я сама увидела, какие огромные усилия были направлены на строительство Москвы до войны. Я увидела, что эта большая, в прошлом широко раскинувшаяся деревня, состоявшая до революции из деревянных домов и улиц, вымощенных булыжником, превратилась в огромный современный город с великолепными бульварами и площадями, с высокими красивыми многоквартирными домами, с наиболее современным в мире метрополитеном и учебными заведениями, имеющими лаборатории, оборудованные по последнему слову техники.

Я увидела, что уже в 1946 г. были достигнуты большие успехи по восстановлению страны после войны. Я увидела, как быстро растет производство различных товаров, хотя Советский Союз восстанавливает свое хозяйство без какой бы то ни было внешней помощи. В 1946 г. я видела, с каким мужеством и верой в будущее советский народ встретил испытания невиданной засухи. Я видела, как осуществлялись надежды этих людей: промышленность и сельское

хозяйство СССР шли вперед такими темпами, какие не известны ни одной другой стране.

Я увидела, как в 1947 г. Советский Союз отменил карточную систему и в результате этого мероприятия стал единственным крупным государством в Европе, не имеющим системы рационирования, не имеющим «черных рынков» и обеспечивающим в достаточном количестве продовольствием весь народ.

Я вижу, как часто в Советском Союзе понижаются цены на все товары, в то время как во всех других странах мира они постоянно растут.

Я недавно посетила одну деревню недалеко от Москвы, в Истринском районе, которую немцы сожгли дотла. Когда немцы ушли, в деревне не осталось ни одного дома. Сейчас трудно найти следы разрушения. Вместо домов, уничтоженных во время войны, с помощью советского правительства построены новые дома, во многих случаях лучше прежних. Проезжая через украинские города, я видела, как быстро восстанавливается разрушенное. Во многих случаях жители в свободное время добровольно работают на различных стройках.

В Москве я каждый день вижу что-нибудь новое. Из окон моей квартиры я вижу, как улицы заливают асфальтом. По всему городу сажают деревья и создают новые парки. Недалеко от моего дома заканчивается строительство новой секции метро, которая, видимо, в этом году будет введена в строй.

Мои друзья сообщают мне, что в их квартирах провели газ и что они выбросили примусы и электрические плитки, которыми пользовались на протяжении многих лет. На моей улице строится новый многоквартирный дом, подобный десяткам других домов, строящихся в городе. Сотни семей скоро въедут в комфортабельные квартиры. По улице, где находится мой дом, проходят новые красивые автобусы. По шоссе все в большем количестве движутся новые советские автомобили.

Я увидела явные признаки успешной реконверсии советской военной промышленности и переход ее на производство товаров мирного времени. Советские автомобили, тракторы, новые локомотивы — все это сделано на заводах, выпускавших во время войны танки, орудия и боеприпасы.

Я увидела, как быстро появляются в магазинах новые товары широкого потребления и какое большое внимание советское правительство уделяет мирной промышленности.

Несколько месяцев назад я видела на Белорусском вокзале ветеранов войны, прибывавших из Германии, — парней, демобилизованных из Советской Армии. Они возвращались на работу — на фабрики и в колхозы. Многие из них готовились поступить на учебу. Все они весело улыбались.

С другой стороны, работая в посольстве, я знала, что американцы, строя военные базы вокруг Советского Союза, постоянно угрожая ему войной, увеличивая и без того огромный американский флот и воздушные силы, вводя обязательную воинскую повинность, пытаются вынудить СССР направить его все увеличивающееся производство на военные нужды и таким образом задержать развитие мирной промышленности в Советском Союзе. Даже такому неопытному наблюдателю, как я, было совершенно ясно, что этот шантаж не увенчается успехом. Советское правительство в состоянии содержать такое количество вооруженных сил, чтобы свести на-нет эффект американского бряцанья оружием и в то же время выполнять свои пятилетние планы по восстановлению страны после войны и по дальнейшему развитию мирной промышленности и сельского хозяйства.

Государства Западной Европы, которые по сравнению с Советским Союзом подверглись значительно меньшим разрушениям во время войны, теперь, как бедные родственники, ползут к США за «помощью» и принимают эту «помощь» на таких условиях, которые могут навеки подчинить их народы американской экономической эксплоатации. В это время Советский Союз идет своим собственным, гордым и независимым путем, не только успешно разрешая свои собственные проблемы, но находя ресурсы и для оказания помощи своим союзникам, которые также избрали дорогу независимости от государственного департамента США.

В то время когда англичане и французы, как несчастные нищие, протягивают свои руки, прося милостыню у американского конгресса, русские быстро продвигаются вперед с гордо поднятой головой. Я всегда была таким человеком, который предпочитает голодать, но не стоять в

очереди у чужой «суповой кухни» *. Я люблю советский народ и восхищаюсь его отвагой, независимостью и находчивостью. Он не только отказался принять «помощь» из-за границы на условиях, не приемлемых для свободных людей, но кормит и одевает себя лучше, чем менее гордые нации, которые согласились принять американскую подачку.

Мне говорили в посольстве и в государственном департаменте, что русские — «некультурные варвары», что они «не понимают западной цивилизации». Я убедилась в обратном. Не только интеллектуальное развитие русских людей, с которыми мне приходилось знакомиться, значительно выше, чем у среднего американца, но именно в Советском Союзе истинные сокровища западной цивилизации сохраняются и развиваются. Русские не только глубоко знают западное искусство, литературу, науки и культуру, но на протяжении многих веков они делали свои весьма ценные вклады в западную цивилизацию. Эти вклады продолжаются во все увеличивающихся размерах, и советские граждане своими глубокими знаниями и чувствами добавляют к западной цивилизации богатейшие ценности, берущие свое начало в великой уникальной цивилизации народов Советского Союза.

Именно в Советском Союзе в области искусства, литературы, музыки, архитектуры, философии и в других областях культуры интеллигенция отказалась слепо принять деградирующие стандарты, которые так модны в западноевропейских государствах и в Америке. Только в Советском Союзе эти области человеческой культуры не находятся в тупике. Забота, которую проявляет Советский Союз в деле защиты классических сокровищ мировой культуры, лучше всего иллюстрируется недавней установкой коммунистической партии по вопросу о советской музыке. От композиторов требуется, чтобы они вернулись к традициям великих русских и западных композиторов и писали бы настоящую музыку, вместо того чтобы итти по пути формализма, который, в конце концов, может превратить их в композиторов, пишущих бессмысленную музыку, подобно какофонии Хиндемита.

---

* В США „Армия спасения“ кормит безработных через сеть так называемых „суповых кухонь“ только супом.

Совершенно ясно, что если в мировой музыке появятся новые бетховены и чайковские, то можно быть уверенным в том, что они выйдут из рядов советских композиторов, а не из музыкального декадентства Америки, Англии и Франции.

Только в Советском Союзе массовые средства культурной пропаганды — пресса и радио — не используются для того, чтобы вдалбливать в головы слушателей и читателей эстетические стандарты культурных отбросов.

Нигде в мире радиопрограммы не находятся на таком высоком уровне, как в Советском Союзе. Когда я была прикована болезнью к постели, я слушала советское радио почти по 12 часов в день. Час за часом передавались от личные концерты, много интересных лекций, программы дл колхозников, программы по просьбе детей, пьесы со сце московских театров, оперетты из театра, где поет мой муж И все это в моей комнате! В течение почти всего дня передаются 3 различные программы — и никакой рекламы, никакой дешевой музыки, никто не пытается продать мне мыло, или жидкость от перхоти, или автомобиль «форд». Не было никакой сентиментальной запутанной драмы из семейной жизни. Не нужно было принимать таблетки от головной боли после 2 часов слушания радио, как это приходилось делать в Америке.

Естественно, что мои впечатления, которые я здесь изложила, охватывают лишь некоторые стороны жизни Советского Союза, с которыми я познакомилась за сравнительно короткий срок пребывания в СССР.

Я не претендую на звание «эксперта по России», как называют в Соединенных Штатах некоторых «знатоков» СССР. Я лишь простая американская женщина, которая приехала сюда, чтобы все посмотреть своими глазами и познакомиться с советскими людьми. Я писала только о таких вещах, которые объективный американец или любой другой иностранец может наблюдать в Советском Союзе, причем не только наблюдать, но осознать и, если он имеет достаточно мужества,— обо всем этом написать.

Основное впечатление, вынесенное мною после сравнительно короткого пребывания в Советском Союзе, не относится в какой-либо отдельно взятой стороне жизни этой

страны, а является общим для всех сторон жизни в Советском Союзе.

Я чувствую, что теперь живу в обществе, которое в неизмеримо большей мере опередило капиталистический строй, нежели капитализм некогда перегнал феодализм.

Я убедилась в том, что Советский Союз является новым типом общества, находящимся на заре своего развития, и что горизонты человеческого прогресса при социализме, совершенно очевидно, безграничны.

Нельзя отрицать того факта, что США пока производят больше автомобилей, чем Советский Союз.

Но неизмеримо более важным фактом является то, что Советский Союз развивается в культурном и экономическом отношении гораздо более ускоренными темпами, чем Соединенные Штаты развивались даже в самые лихорадочные годы капиталистического развития, в годы «бума».

Знаменательным фактом является также то, что Советский Союз — молодой, здоровый и энергичный организм — имеет врожденную способность двигаться вперед и развиваться в то время, как США являются организмом запутанным, декадентским, политически гнилым, попавшим в руки лидеров, которые тянут страну к невиданной катастрофе, повторяя шаг за шагом ошибки Германии. Если их не остановить во-время, то все это может кончиться самоубийством для США.

Важнейшим фактом, наконец, является то, что в Советском Союзе каждый гражданин, независимо от своего положения в жизни, имеет возможность смотреть вперед, в будущее, со спокойным и уверенным сознанием того, что с каждым годом он будет жить лучше и что он помогает создавать новую эру для человечества — эру, которую увидят его дети, а возможно, и он сам.

Как мать я смотрю вперед, чтобы увидеть, в каком мире будет жить мой сын. Как мать я сознаю, что будущее принадлежит Советскому Союзу и что мой сын будет жить более яркой, более полной жизнью, чем он мог бы жить где бы то ни было в другом месте мира. Я знаю, что в Советском Союзе он вырастет и получит наилучшее образование и что ему не придется бороться за это образование так, как делала это я. Ему не придется бесконечно шагать по улицам в поисках работы, когда начинаются

плохие времена, потому что в Советском Союзе не будет плохих времен, как бы враги его ни старались их вызвать. Короли вооружения и нефтяные монополисты не сделают из моего сына пушечного мяса. Как и его советские сограждане, мой сын будет свободным человеком, участником величайшего движения вперед, когда-либо предпринимавшегося человечеством.

Я счастлива, что я здесь и что мой сын родился в Советском Союзе, получив в наследство все сокровища, о которых я писала. Я высоко ценю советское гостеприимство, так щедро предоставленное мне, и благодарна не только за себя, но еще больше за сына.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *И. Сергеенко*

Подписано к печати 12/II 1949 г.

А01503. Печ. л. 8 1/4. Уч.-изд. л. 6,9.

Формат 82×110. Цена 7 руб. Тираж 10.001—100.000 экз. Заказ № 15.

Типография издательства.

7 руб.